

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

ДЖИП
ИЗ ТЫКВЫ

Елена Ивановна Логунова

Джип из тыквы

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8496428

Елена Логунова. Джип из тыквы: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-76249-1

Аннотация

В больничных сплетнях я фигурировала как «чудо чудное» и «диво дивное»: в страшной аварии сохранила жизнь, но потеряла память. Я умею читать, писать, запросто отличу ямб от хорея. Почему же я не помню свое имя? Или Макса – моего любимого мужчину... Вскоре мне удалось подслушать его разговор с другом: некий Тугарин подбросит им за меня денег! Как выяснилось, я попала в аварию, спасая от гибели выскочившую перед моей машиной маленькую дочку бизнесмена Тугарина. Его благодарность не знает границ и имеет весьма нехилое денежное выражение. Вот только почему я не видела из этих сумм ни копейки? Надо поинтересоваться у Макса, который, похоже, любит меня не так уж и сильно! И тот ли он, за кого себя выдает...

Елена Логунова

Джип из тыквы

«Впереди крутой поворот», – предупреждает дорожный знак, и она усмехается.

Здесь других поворотов и нет, они все крутые. Дорога петляет по горам, и как раз сейчас машина подбирается к самой высокой точке перевала.

Она знает это место, там установлено уродливое подобие пирамиды, поперек которой вереницей тянутся рубленные буквы – неизящное название ближайшего населенного пункта.

С этой длинной надписью непропорциональная пирамида издали похожа на микроцефала в брюках клеш и с растянутой гармонью.

На память приходят слова старой народной песни про гармониста, который одиноко бродит-колобродит всю ночь напролет. Она бросает взгляд на часы на приборной панели – время за полночь – и снова ухмыляется.

Это странное зрелище: голая девушка за рулем растягивает губы в невеселой улыбке. Уголки рта приподнимают мокрые щеки и снова загибаются крючочками вниз.

Дорога уходит в сторону, прижимается к шерстистому боку горы, дурацкая пирамида стыдливо прячется и опять вылезает на видное место за новым поворотом.

В свете полной луны становятся отчетливо видны железобетонные медведи, поблескивающие свежеекрашенными коричневыми боками вблизи пирамиды. Теперь она похожа на безголового пастуха, выгуливающего маленькое стадо бессонных топтыгиных в весеннем садочке. На цветущие яблони смахивают неопознанной породы деревья, сплошь увешанные выцветшими тряпочками. Это рукоделие туристов, которые таким образом практикуют материализацию своих тайных желаний.

Глупость, конечно.

Но что в этой жизни не глупость?

Пирамида с медведями высится на краю глубокой пропасти. Именно поэтому туристы останавливаются здесь: лезут на пирамиду и с нее любуются величественным видом. Сейчас, конечно, аншлага нет, на стоянке всего одна машина.

Вот и хорошо. Она не рассчитывает на присутствие публики.

Она давит на педаль и морщится: жать на газ босой ногой неудобно и больно, но это мелочь, не стоящая внимания.

Машина устремляется вперед, девушка фиксирует взгляд на приметной рыжей скале на дальнем краю пропасти – это идеальный курс, и...

И прямо перед ней, будто из-под земли, вырастает невысокая фигурка!

Ребенок буквально выскакивает из пропасти, как резиновый мячик! Как гриб-боровик в мультфильме про...

Черт, о чем это она?!

Слышен испуганный женский крик.

Девушка успевает с сожалением вспомнить, что под откосом есть тропинка, ведущая к роднику, и неутомимые туристы все время таскаются к источнику на ритуальный водопой. Блин, даже ночью у них жажда!

Руль она выворачивает машинально, не подумав.

Теперь ее курс отнюдь не идеален, но с этим уже ничего не поделаешь.

Машина уходит в пропасть криво, боком.

– Господи, нет! Не надо! Я не хочу!

Она крепко-крепко сжимает бесполезный руль и, продолжая кричать, зажмуривается.

Три месяца спустя

Девушка открывает глаза, и несколько мгновений ее бледное лицо сохраняет невозмутимую мраморную красоту. Затем рассеянный взгляд заостряется и едет вниз по стене – как скальпель, разрезающий кожу. Будь на стенах больничной палаты обои, они бы треснули и опали распоротым лоскутом.

Пронзительный взгляд останавливается на лице медсестры, успевшей надеть защитную маску профессиональной улыбки.

– Где я? – шепотом спрашивает девушка.

Ей трудно говорить, пластина в челюсти – тот еще логопед, она меняет дикцию сразу же и надолго. Девушке придется заново учиться разговаривать, а также ходить и действовать руками. Особенно хитро она поломала левую, ее собирали по кусочкам, спасибо, что вообще сохранили. А в левом бедре у нее теперь стальной штырь, обещающий долгую хромоту.

– Все там же, – уклончиво отвечает медсестра. – Вы разве не помните?

Она старательно улыбается, хотя пациентка ей явно неприятна.

Та совсем не уродина, медсестре случалось видеть калек, на которых вообще невозможно смотреть без дрожи, тем не менее все в этой пациентке ее раздражает.

У девушки на кровати бледная кожа, почти лысая голова, тощие руки в синяках от капельницы и губы сизо-сиреневого цвета.

Почему красивый мужчина выбрал себе эту тупую страшилу?!

Оп!

Я часто моргаю, стряхивая шокирующую картинку.

Как? Почему? С какой стати это случилось снова? Я как будто увидела себя чужими глазами.

Бред какой-то. Так же не бывает, правда?

Хотя со мной это уже не в первый раз. Несколько дней

назад я вот так же, сама того не желая, посмотрела на себя со стороны глазами доктора. И это было такое жалкое зрелище, что я и теперь предпочитаю думать, будто мне помешалось.

Как каждая пациентка, я хотела бы быть сексуальной красоткой, но в данный момент столь бледна и костлява, что показалась бы съедобной только очень голодному людоеду. Зато у меня большие выразительные глаза, тонкие нервные пальцы и ноги, похожие на макаронины-спагетти. Такие же бесконечные, заплетающиеся...

«Да такие ноги супермодели оторвали бы с руками! – невнятно хвалит мою анатомию мой же внутренний голос. – Научись ходить – иди на подиум!»

Я хихикаю. Не знаю, как ноги, а чувство юмора у меня точно завидное! И воображение тоже, ведь в моем положении строить планы – это высший пилотаж полета фантазии!

– Мария? – чуточку нетерпеливо напоминает о себе медсестра.

Ей мое внутреннее веселье неизвестно.

– Помню, что я в больнице, восстанавливаюсь после аварии, – с запозданием отвечаю я на вопрос, который мне задают уже не первое утро. – Послушайте, Тамила...

– Тамара, – поправляет она и нервно одергивает на себе халатик.

Я замолкаю.

Медсестрица хорошенькая, рыженькая, с ладной фигур-

кой, и под халатом из тонкой ткани у нее только белье в минималистском стиле. Идеальный образчик младшего медперсонала по версии журнала «Плейбой»! Неудивительно, что даже серьезный доктор Иван Антонович при появлении этой рыжей бестии сбивается с мысли и говорит о врачебных предписаниях с запинками.

И вот хоть режьте меня, но ясно видно, что я этой медсестрице ужасно не нравлюсь!

Поэтому жаловаться ей на то, что у меня не только памяти нет, но и зрение барахлит, я не буду.

Подозреваю, что и без того я уже фигурирую в больничных сплетнях как чудо чудное и диво дивное: девушка, которая в страшной аварии сохранила жизнь, но потеряла память.

Право, даже не знаю, не лучше ли было бы наоборот? Реяла бы я сейчас бесплотным ангелом, всезнающим и мудрым, над суетливой толпой...

Стоп!

«Бойтесь своих желаний, ибо они могут сбыться», – говорили древние китайцы.

Я крепко зажмуриваюсь, чтобы галлюцинация не повторилась. Не хочу воспарять и залезать в чужие головы, спасибо, не надо!

Я, конечно, стараюсь не падать духом, но если мне еще раз после столь небольшого перерыва покажут мое несчастное изломанное тело в скупом интерьере больничной пала-

ты, я не выдержу и разрыдаюсь. И тогда мне совершенно точно сделают успокоительный укол, а я хочу как можно скорее избавиться от всех и всяческих уколов. Кто знает, от чего у меня случается этот бред наяву? Может, как раз от них?

Лекарственная зависимость – это последнее, что мне нужно.

Лежа на скрипучей больничной койке, я уже чеканно сформулировала свое жизненное кредо. Оно звучит так: «Да здравствуют трезвый ум, твердая память и возможность самостоятельно распоряжаться своей судьбой».

Понятно, чего мне не хватает, не так ли?

– Что ж, если все в порядке, сейчас вам принесут завтрак, – говорит Тамара.

Она как будто сказала еще не все, что хотела. Ее рот открывается, но звуков не слышно. Меня это беспокоит: может, у меня и со слухом нелады?

Зрение-то мое совершенно точно не в порядке, что бы ни говорил по этому поводу вчерашний доктор.

Окулист, осмотревший меня накануне, никаких проблем не нашел, а настаивать на повторном осмотре я, пожалуй, не решусь. Наверное, травмированному пациенту с амнезией не стоит рассказывать медикам о своих галлюцинациях? Это настойчиво подсказывает мне жизненный опыт.

Ну, то есть опыт жизни, которую я напрочь забыла.

Это смешно, да. То есть было бы смешно, если бы не пугало.

Страх, обида и недоумение – вот те чувства, которые я стараюсь не показывать, но не могу полностью подавить. Если честно, я в растерянности. Добрый доктор Иван Антонович кое-что рассказал про амнезию, но кто мне объяснит, как с ней жить?

Это только кажется, что я невозмутима и безразлична (попробуйте подергаться с конечностями в гипсе и на подвесе, в неразрывной связке с капельницей!), на самом деле я не реву и не ношусь по стенам, как цирковой мотоциклист, только по двум причинам.

Первая – это невозможно проделать, будучи прикованной к кровати, хотя она и на колесиках.

Вторая – я вовсе не хочу переселиться из клиники для больных телом в лечебницу для душевнобольных.

Кто я? Где моя жизнь?

Почему я превратилась в полный ноль?!

– Да ладно, «полный»! Тощенький такой нолик! – привычно пытается веселить меня внутренний голос, однако я не поддаюсь.

Меня как будто стерли с групповой фотографии. Весь огромный мир на месте, только Атлантида в моем лице ушла на дно, и где ее теперь искать – неизвестно.

Представляете, я ведь помню, какой сейчас год, как зовут глав ведущих мировых держав, где находится самая высокая на планете горная вершина и сколько будет семью восемь! Я умею чистить зубы, читать, писать, местами понимаю латынь

Ивана Антоновича и запросто отличаю столовую ложку от десертной, а ямб от хорей!

Какого, скажите, черта я помню никчемный хорей, но забыла свое собственное имя?!

«Тебе же сказали – твое имя Мария», – напоминает мой внутренний голос.

Увы, я отчетливо различаю в нем нотки сомнения. Да, я согласилась откликаться на Марию, как приняла и другие подсказки, однако они не помогли мне по-настоящему вспомнить хоть что-нибудь.

Взять, к примеру, хотя бы Макса. Все говорят, что он мой любимый и любящий мужчина, а я совсем не помню ни его, ни наших чувств и отношений!

Сказать по правде, я того хохлатого голубя, что постоянно садится на мой подоконник, знаю лучше, чем Макса. Во всяком случае, голубя с хохолком я очень быстро запомнила в «лицо», а Макса в больничном халате первое время не отличала от студентов, которые ходят ко мне толпами, будто на экскурсию.

Теперь-то я, разумеется, выделяю его из общей массы посетителей.

Макс невысок, но хорошо сложен и двигается с изяществом танцора. У него глубокие темные глаза, бледное лицо и аккуратный нос с едва заметной горбинкой и изящно вырезанными ноздрями, которые эффектно раздуваются, когда он сердится.

А сердится он всякий раз, когда я захожу разговор о прежней жизни, которую хотела бы вспомнить.

– Не напрягайся! Не мучь свои мозги, а то свихнешься! – ругает и пугает он меня.

И сам при этом заметно напрягается, краснея и сплетая черные брови в сплошной шнурок.

Когда мой любимый злится, его жесткий чубчик становится дыбом, и он делается похож на сердитую красную птицу из популярной игры «Ангри Берс».

Хотя вообще-то Макс очень красивый мужчина и всем здесь нравится...

Тут я без симпатии гляжу на медсестру Тамару.

Как, как она меня назвала?

Тупая страшила.

На себя посмотри, крокодилица!

Сурово хмурясь, я сверлю глазами злую медсестрицу и внезапно вижу на ее месте... зеленого человечка!

В самом деле, я не шучу, кожа этой женщины слабо светится болотно-зеленым!

И впрямь – крокодилица.

Я наклоняю голову к правому плечу – все нормально, Тамара выглядит как человек. Склоняюсь к левому плечу – и оп-па! Передо мной зелененький человечек!

Это выглядит так, как будто стройная фигурка прелестной Тамары сделана из люминесцентного материала, который мягко светится в темноте. А для близоруких ее вдоба-

вок обвели по контуру флюоресцентной краской.

Выглядит очень красиво и пугающе одновременно.

«Досрочно празднуем Хэллоуин?» – натужно острит мой внутренний голос.

Я делаю над собой усилие (мне очень хочется зажмуриться, а еще лучше – с головой спрятаться под одеяло) и отважно не отвожу взгляд от светящейся девицы-зеленушки, выглядящей как самая натуральная инопланетянка.

Что будет дальше? Может, она щелкнет пальцами, и в форточку впорхнет летающая тарелка?

Столь драматического развития событий не происходит. Тамара от меня отворачивается, идет к двери, и ее свечение гаснет.

Должна ли я быть польщена этим приватным шоу?

Не знаю, но я чувствую только раздражение, которое вытесняет даже страх.

Волшебно, ничего не скажешь! Теперь я вижу светящихся граждан! Считаю, получила пропуск в профессию «Охотник на пришельцев»! Осталось открыть в себе сверхспособность прожигать взглядом двери – и можно возвращаться в большой мир, постоянно испытывающий потребность в могущественных супергероях!

– Я спокойна, я абсолютно спокойна, – нашептываю я сама себе, стараясь не слишком дрожать, потому что от тряски из вены может выскочить игла капельницы.

Уютная тетушка-нянечка приносит мне завтрак и кормит

меня с ложечки, как ребенка. Я знаю, это глупо, но ем с закрытыми глазами, чтобы не увидеть еще чего-нибудь такого, что дополнительно меня расстроит. Например, огни святого Эльма на пальцах нянечки.

Я справлюсь, я со всем справлюсь.

На стадии компота я отваживаюсь приоткрыть один глаз и посмотреть на свою кормилицу.

Ничего особенного. Женщина как женщина, таких на планете Земля миллиарды. Не молода и не особенно красива, но никакими цветными огнями не светится, отчего мне сразу же хочется ее признательно расцеловать.

– Спасибо вам огромное! – с благодарностью шепчу я.

– Кушай, детка, на здоровье, – бормочет неиллюминированная нянечка, собирая на поднос пустую посуду.

Я снова закрываю глаза, обессиленно откидываюсь на подушку, намереваясь поспать, и вместо «раз овца, два овца, три овца» мысленно повторяю: «Все хорошо, все будет хорошо, у меня все будет хорошо...»

Мой внутренний голос недоверчиво хмыкает, но я предпочитаю его игнорировать. Пораженческие настроения – это совсем не то, что мне поможет.

Или все-таки позвать окулиста еще раз?

Три недели спустя я уже не сомневаюсь в том, что амнезия – не единственная проблема с моей головой, но по-прежнему храню это открытие в тайне от мира.

Я просто не знаю, кому бы я могла это рассказать? Не докторам, это точно, и не Максу. Я не настолько сумасшедшая, чтобы оттолкнуть единственного человека, который был со мной в прошлой жизни и все еще остается в нынешней.

Конечно, если бы меня навестили Бэтмен, Айронмэн и Человек-паук, я бы не стала таиться и прямо сказала им: «Ребята, в вашем полку прибыло!» И тогда они взяли бы меня с собой, и я бы стала служить человечеству и носила бы на службе экстравагантные эластичные костюмы, а в частной жизни была бы кроткой тихоней, коротающей вечера за вязанием теплых шерстяных набрюшников для ручных черепашек-ниндзя...

– Машенька, вы меня слушаете? – скрипучим лобзиком врежется в мои мысли голос Галины Трофимовны, с которой я делю столик за завтраком.

– Конечно, слушаю, – отвечаю я и в доказательство уверенно цитирую:

– А вы ему сказали...

Галина Трофимовна бесконечно рассказывает эпическую историю своей долгой и трудной семейной жизни. Повествование строится в виде пересказа диалога с мужем: «А я ему сказала, а он мне сказал, и тогда я ему сказала...»

– А я ему тогда сказала: «Виктор Андреич, тебе же нельзя сладкое, съешь лучше листик салата!» – подхватывает успокоенная Галина Трофимовна.

Я смотрю на нее с легкой завистью. Это же надо, прожить

в браке почти пятьдесят лет и помнить каждую пикировку в мельчайших подробностях!

Мне бы такую память.

Мне бы хоть двадцать процентов такой памяти!

Я по-прежнему ничего не помню о своем прошлом.

Зато мне, кажется, удалось разобраться в моей нынешней проблеме с глазами. Я сделала это совершенно самостоятельно, без помощи окулиста и психиатра, так что теорию объяснить не могу, но практическую сторону осваиваю все лучше.

Понимаю, это нескромно, но, сдается мне, я действительно супергерой.

Такой вот фокус!

Я вижу мир, вернее, человечество, в ярком свете – это буквально. Что сие за чертовщина, мне все еще непонятно, но явно не сон, потому что я щипала себя, щипала, из-за чего обзавелась дополнительными – не от капельницы и уколов – синяками, но до сих пор не проснулась.

Итак, рассказываю.

Началось это через пару дней после того, как доктора вывели меня из комы, в которой держали все то время, пока проделывали очень, как говорят, болезненные процедуры с моей рукой и с бедром. Этого я тоже не помню.

Я открыла глаза и увидела перед собой размытое розовое пятно, похожее на воздушный шарик. Сфокусировала взгляд – и словно проскочила внутрь розового шара, оказавшегося человеческой головой.

Щелк! И будто канал на телике сменился.

Увидев перед собой худосочное чудище в бинтах и гипсе, я почувствовала отвращение с легкой примесью страха, безглицкую жалость и чувство вины.

От неожиданности – не ждала я такого кино! – я заморгала и тут же снова оказалась в своем собственном теле. Действительно, очень неприглядном, так что не стоило обижаться, но я все-таки расстроилась и даже расплакалась.

А у моей кровати, нерешительно переминаясь, стоял Макс. Розоволицый и расстроенный.

Сегодня я уже не реву. Если честно, занимательные эксперименты со зрением отвлекли меня от скорбных мыслей о том, как много я потеряла, утратив память. Я взяла себя в руки и за те недели, что прошли с момента моего пробуждения на больничной койке, во всех смыслах далеко ушла.

Во-первых, я накопила кое-какие свеженькие воспоминания, так что уже не чувствую себя ноликом без палочки.

Кстати, как раз палочка у меня теперь есть, даже две палочки – это прекрасные костыли, которые я уже дерзаю иногда заменять ходунками. Еще чуть-чуть, шутит очень довольный моими успехами Иван Антонович, и я покину клинику на своих ногах, а не ногами вперед, как ему представлялось вначале.

Во-вторых, я обнаружила, что могу смотреть и видеть совершенно нормально, как все, а могу – иногда – ненормально, причем аномалия эта имеет варианты.

Вариант А: я влетаю в чужую голову и глазами другого человека выхватываю картинку, сопровождающуюся не звуком, как в фильме, а чувствами, которые испытывает этот самый человек.

Вариант Б: я остаюсь на месте и пользуюсь своими собственными органами зрения, но вижу перед собой не людей, а натуральных светящихся монстриков. Зелененькая медсестрица – это еще что, один дедуля в коридоре был лиловым с черными кляксами!

Я знаю, что науке известно около восьми сотен видов светящихся живых существ, и большинство из них обитает в море. Это бактерии, водоросли, моллюски, ракообразные, рыбы – короче, совсем не тот народ, что окружает меня в больнице. На суше, правда, тоже есть светящиеся грибы, черви, улитки, многоножки и насекомые, но людям биолюминесценция не свойственна.

Значит, то, что вижу я (и чего не видят другие) – это вовсе не биолюминесценция.

А что же?

В больнице скучно, и, пока врачи стараются поставить меня на ноги, я развлекаюсь разглядыванием цветных человечков.

Вот взять хотя бы мою сотрапезницу Галину Трофимовну, бывшую учительницу начальной школы, а ныне пенсионерку. Рассказывая о своей трудовой жизни, милейшая, но весьма приземленная женщина, которую все же сложно за-

подозритель в родстве со светлячками и морскими медузами, ровно светится бледно-сиреневым. По-моему, она находится во власти ностальгии.

А вот та же самая Галина Трофимовна рассказывает о своих уютных домашних ссорах с супругом и при этом светится розовым с белыми прожилками, как, извините, свежее свиное сало.

Я все более привычно анализирую чувства собеседницы: ну-ка, что это у нас? Ага, похоже, тоска и нежность с примесью материнского беспокойства.

Нет, нет, я не анализирую, это неправильное слово. Я разделяю эмоции Галины Трофимовны, принимаю их и именно поэтому хорошо понимаю.

Во всяком случае, когда я перебиваю жалобу на капризного и эгоистичного супруга старушки:

– Не переживайте так, с Виктором Андреичем все нормально, ваши дети о нем прекрасно заботятся, – Галина Трофимовна растроганно вздыхает:

– Ах, Машенька, вы так меня понимаете!

А я не просто понимаю – я буквально сочувствую.

Это свойство фантасты называют эмпатией.

Фантастам, кстати, от меня респект и спасибо. При клинике неплохая библиотека, я в ней уже порылась и слегка подковалась в теории.

Оказывается, писатели-фантасты нас, супергероев, давно уже классифицировали: умешь разделять чужие мысли – ты

телепат, способен считывать эмоции других людей – ты эмпат.

Вообще-то термин «эмпатия» придумал один англо-американский психолог, и было это лет сто назад. А одно из первых определений эмпатии дал сам Фрейд! Но даже он мне в моих поисках истины не помощник, потому что психологи называют эмпатией всего лишь осознанное сопереживание текущего эмоционального состояния другого человека.

С точки зрения психологии эмпатия – это норма. Существуют даже методики выявления у людей уровня способности к эмпатии. То есть и в этом деле, как и в других, кто-то может быть бездарностью, а кто-то гением. Но это не та эмпатия, которую проявляю я.

Моя эмпатия – именно то, о чем пишут фантасты. В их произведениях это состояние считается экстрасенсорным и доступным лишь некоторым людям. Такая эмпатия похожа на эмоциональную телепатию и может включать в себя способность воспринимать чужое эмоциональное состояние «напрямую», даже без контакта с человеком, умение транслировать его состояния и разные другие фокусы, которых я пока не делала.

Мне бы для начала разобраться с тем, что я уже исполняю!

В шахматной терминологии есть слово «пат» – это такая безвыходная ситуация, когда ни один из противников не может победить и им приходится соглашаться на ничью. И есть «мат» – это безоговорочная победа.

Я придумала шутку, понятную только мне: «эмпатовая ситуация» и «эмматовая». Эмпатовая – это когда я вижу свечение чужих эмоций. Эмматовая – когда смотрю чужими глазами и переживаю чувства других людей, как свои. В первом случае я еще могу ошибиться с трактовкой, во втором понимаю все и сразу.

Эмматовый взгляд я пока что совсем не отработала, но он иногда включается сам собой, без предупреждения. Зато эмпатовый я уже неплохо освоила.

Процесс напоминает простое упражнение по коррекции близорукости. Тридцать секунд смотришь на предмет за окном, потом смещаешь фокус на стекло перед тем предметом, и вуаля: вполне себе конкретный одушевленный объект превращается в расплывчатую цветную кляксу!

С неодушевленными предметами это не работает. Думаю, это потому, что они бесчувственные.

– Машенька, почему вы на меня так странно смотрите? – волнуется Галина Трофимовна и щелкает перед моим лицом пальцами, как кастаньетами.

Я перевожу взор эмпата на тарелку с кашей, и пыливый супервзгляд бесславно тонет в овсянке. Каша – субстанция безразличная ко всему, и слава богу.

Как бы я ее ела, если бы она от этого страдала и мучилась?

Я усмехаюсь.

– Вижу, сегодня у нашей колючки хорошее настроение! – произносит мужской голос.

Он тягучий и сладкий, как свежая карамель. У меня от него начинается зубная боль.

Галина Трофимовна, которая сидит лицом к двери, приосанивается и расплывается в улыбке. Мне, чтобы сделать приветливое лицо, приходится постараться.

Аккуратно положив ложку, я оборачиваюсь и вижу счастливого обладателя карамельного голоса.

Это Валентин, он настаивает, чтобы я запросто называла его «Валек», потому что мы-де очень коротко знакомы, он наш ближайший с Максом друг и приятель.

Может, оно и так, но я совершенно этого не помню, хотя при первой встрече Валентин показался мне знакомым. К сожалению, я ошиблась: просто он похож на идеального красавчика, приятеля куклы Барби – белобрысого Кена. Думаю, именно поэтому от Валентина в полном восторге все девочки в возрасте от пяти до восьмидесяти пяти лет.

А в паре с Максом они смотрятся и вовсе сногшибательно: красавец-блондин и красавец-брюнет – на любой женский вкус. И дамы млеют...

Все, кроме меня.

– Здоров, Валек, – с усилием выжимаю я из себя приветствие. – Зачем пришел?

Галина Трофимовна смотрит на меня с осуждением и укоризненно трясет кудряшками. Верно, я не слишком вежлива, но дело в том, что Валентин мне неприятен.

Я еще не смотрела на него своим новым взглядом эмпатии.

та, но почему-то думаю, что увиденное мне не понравится. Очень похоже, что Валентин только притворяется, будто я ему мила и дорога.

Не дорога, это точно, а что касается приязни...

Я не уверена.

Валек подходит и наклоняется, чтобы поцеловать меня в щеку. Я не могу уклониться, потому что Галина Трофимовна и прочие дамы прищипливают меня к стулу пронзительными взглядами.

Влажные губы Валентина скользят по моей напряженной скуле от челюсти до виска – слишком долго, по-моему! – и щекочут заговорщицким шепотом ухо:

– Я соскучился, крошка.

Он отстраняется – я нервно тереблю мочку уха – и невозмутимо договаривает:

– Давно тебя не... видел.

Мне кажется, или перед глаголом была крохотная пауза? Как будто Валентин хотел сказать что-то другое.

Я сердито смотрю в насмешливые голубые глаза и бормочу:

– Ты же приходил на прошлой неделе!

– Ну, разве она не колючка? – играя на публику, разводит руками Валентин.

Над столиками, где сидят одни лишь дамы, висает ровный пчелиный гул. Ну вот, теперь я снова стала предметом обсуждения и осуждения.

– Машенька, в самом деле, как можно не ценить такого преданного друга! – лепечет Галина Трофимовна, успевшая пощипать себя за щеки, чтобы они зарумянились.

Мне хочется попенять ей: «Ага, кокетничаете с посторонним парнем? Все Виктору Андреичу расскажу!», но нет желания смущать приятную старушку. Я бы охотно смутила противного Валентина, но, кажется, эта задача мне пока не по плечу.

Он смотрит на меня так, словно знает какой-то секрет – лестный для него, забавный и, возможно, неприличный.

Черт, неужели в былые времена я поверяла этому парню свои девичьи тайны?!

Интересно, какие?

Для меня сейчас все мое прошлое – одна сплошная тайна.

Я нервно комкаю бумажную салфетку, размышляя, посмотреть мне на Валентина новым взглядом прямо сейчас или подождать более подходящего момента?

Пожалуй, я сделаю это позже. Сейчас вокруг нас слишком много людей, мнение которых Валентину не безразлично. В другой обстановке его эмоции будут чистыми, без примесей, и я смогу их воспринять без искажений.

– Ты уже поела?

Валентин берет меня за руку и мягко тянет из-за стола.

– Пойдем, покажу тебе кое-что.

Рука у него очень теплая, почти горячая и неприятно беспокойная. Большой палец настойчиво трогает мою ладонь,

остальные тоже шевелятся, как будто пытаются оживить кусок пластилина. Слепить из него зайчика, например.

Одна стена столовой зеркальная, и в обрамлении зеленых плетей традесканции я вижу свое угрюмое отражение. Если я и зайчик, то именно тот, что попал под трамвайчик.

– Не прыгает, не скачет он, а горько-горько плачет он и доктора зовет, – машинально бормочу я.

– Тебе нужен доктор?

Валентин обхватывает меня, как будто я озвучила намерение немедленно пасть замертво.

– Нет.

Я нащупываю свои костыли и использую их как рычаг, чтобы отодвинуть от себя заботливого друга.

– Тс-тс-тс, – укоризненно цокает Галина Трофимовна, от которой не ускользнул мой маневр.

– Так что ты хотел мне показать? – громко спрашиваю я, весьма резво прыгая к выходу на костылях.

Вообще-то я могу уже обойтись одним из них, а вторым, если что, звездану Валентина...

Эта мысль просверкивает в моем мозгу ярким метеором. Ослепленная ею, я останавливаюсь, держа больную ногу на весу, и озадаченно соображаю: что это за глупость такая, а? Ну не нравится мне человек, так что теперь – костылем его бить?!

Ну и манеры у меня. Что я за девушка, скажите?

– Валь, а я всегда была такая... колючая? – в приступе

раскаяния спрашиваю я Валентина.

– Что ты! – он мечтательно улыбается. – Я помню тебя совсем другой!

Мне ужасно не нравится его улыбка. Не надо быть эмпатом, чтобы уловить в ней неясный гадкий намек и издевку – легкую, как бег паучка по липкой ниточке.

От отвращения меня передергивает, один костыль подкашивается, и расторопный Валентин не упускает возможности поддержать меня за талию.

– Ты была такая милая, такая нежная, – шепчет он, увлекая меня в оконную нишу.

Плотная плюшевая штора отгораживает нас от больничного коридора.

«Давай!» – командует мой внутренний голос.

И я в упор смотрю на друга фантастическим взглядом «вот-я-сейчас-увиджу-что-там-у-тебя-внутри».

К сожалению, это не столь показательно, как посмертное вскрытие. Результативность примерно как у рентгена, полагаю. При условии, что снимок изучает рентгенолог-самоучка.

Валентин светится красно-коричневым. Он в бурых космах, как медведь.

Долю секунды мне кажется, что это имеет важное значение. Что-то особенное связано у меня с медведями...

В голове возникает и, не успев оформиться, тает картинка, которую уже в следующий миг я абсолютно не способна

восстановить даже в общих чертах.

Значит, бурый. С кроваво-красными прожилками и дымными всполохами черного.

Моя эмпатическая «Библия цвета» пока что не настолько хорошо освоена, чтобы я классифицировала чувства Валентина во всех подробностях, но совершенно очевидно, что основой их является то, что поэты пафосно называют вождением.

О-о, приехали! У нас тут что – любовный треугольник?!

Я озадачена и смущена.

Черт, черт, черт! Неужто я изменяла Максу с его лучшим другом? Или не изменяла, хотя Валентин этого хотел и, несомненно, хочет и сейчас?

А Макс об этом знает?

Я прислоняюсь пылающим лбом к прохладному стеклу.

Насчет Макса...

Ладно, признаюсь. Я не решаюсь применить к нему свои новые таланты эмпата!

Просто боюсь.

Макс – это ведь та соломинка, за которую я держусь, чтобы не утонуть в темном море.

Кто поместил меня в клинику? Макс.

Кто оплатил мое долгое дорогое лечение? Макс!

Кто сидел со мной рядом, когда я была без сознания, и жадно ловил обрывки моих слов, а после навещал так часто, как только позволял Иван Антонович, пока я сама не сказала

– хватит, у тебя ведь наверняка есть и другие дела?

Макс, Макс, Макс!

И он не собирается бросать убогую, он обещал, что заберет меня из клиники в специально купленную для нас квартиру, а это крайне важно для девушки, которая не знает, куда ей идти.

Поэтому я не могу, просто не смею усомниться в том, что Макс меня любит.

Ну и еще – это ведь как-то неэтично, правда? Без предупреждения сканировать эмоции любимого человека – это примерно то же самое, что читать его личный дневник или смс-сообщения в телефоне.

А рассказать Максиму о том, что я умею проделывать такой фантастический трюк, тем более не могу. Он ведь влюбился в меня еще до аварии, когда я никакими такими способностями не обладала и была нормальной (хочу надеяться) девушкой. Что если у моего любимого мужчины аллергия на экстрасенсов, и подружка-эмпат ему резко разонравится?

– Вот, видишь ее? – перебивает мои мысли голос Валентина.

Я снова испытующе смотрю на него. Хм, пылкой страсти поубавилось, появилось беспокойство.

– Кого? – переспрашиваю я и вижу, что подернувшая бурое свечение серая ряска быстро тает.

Беспокойство ушло.

– Машину! Ты и ее не узнаешь?

– А это та самая?!

Я подаюсь к оконному стеклу так резко, что снова прикасаюсь к нему лбом.

Прямо под окнами клиники припаркован блестящий ртутно-серый «Рено».

Не может быть! Мне сказали, что он разбит так, что восстановление невозможно.

– Машина новая. Марка та же, а цвет другой, – поясняет Валентин. – Макс сказал, он привык к «Рено», вполне нормальная тачка. А ты что скажешь? Как, не тянет снова погонять?

Я краснею.

Мог бы и не говорить об этом.

Мне известно, что в аварию я попала на автомобиле Макса, и это был «Рено». Стыдно сказать, но я хлебнула лишку и без спросу поехала кататься на чужой машине по горной дороге, где все повороты крутые, других нет...

В общем, выходит, что я сама виновата в аварии.

Хорошо еще, что Максуду удалось получить страховку за разбитый мной автомобиль. Если бы не это, не знаю, стал бы он так заботливо выхаживать меня в частной клинике или собственноручно придушил бы, чтобы не мучилась? Многие вполне достойные мужчины свои машины любят гораздо больше, чем девушек.

А Валеку-то каков, непременно ему надо меня подколоть!

– Нет, не тянет, – угрюмо ворчу я. – Даже не уверена, что

я помню, как водить машину.

– Вспомнишь, все вспомнишь, – обещает Валентин и снова смотрит на меня так, знаете, плотоядно и с насмешкой...

– Мне на процедуры пора, – говорю я, резко отдергивая штору. – Спасибо, что навестил, и пока, привет Максиму.

– Да Максим у нас и так с большим приветом, – смеется Валентин.

Мне не хочется оставаться с ним рядом, хотя стоило бы уточнить, что именно этот ехидный злыдень имеет в виду на сей раз? Что увлечение Макса мной есть верный признак сумасшествия? А сам Валеk тогда кто – вообще сексуальный маньяк?

Я ковыляю в палату, не глядя на пациентов, которые бредут встречным курсом.

Я никого не хочу видеть.

Знаете, чужие чувства – это как похмелье без выпивки!

«Трезвость – норма жизни», – одобрительно бормочет мой внутренний голос.

– Все будет хорошо, – в такт прыжкам на одной ножке повторяю я свою мантру. – Все будет хорошо. Все. Будет. Хорошо.

– Тебе нравится? – спрашивает Макс, отводя ладони, которые он держал у моих глаз, как шторы.

– Очень... Очень мило, – жалко лепечу я, оглядывая просторную комнату.

«Мило» – невыразительное слово, но я не могу придумать ничего получше, потому что разочарована.

Нет, сама по себе комната прекрасна! Она большая, светлая, недавно отремонтированная и демократично меблированная в минималистском стиле. И разочарована я вовсе не тем, что помещение похоже на безликий выставочный стенд магазина «ИКЕА». Меня огорчает тот факт, что я не вижу в интерьере ничего, что доказало бы: это жилье – мое.

– А где мои вещи? – спрашиваю я Макса.

– Какие?

– Ну... разные.

«Разные, разные! Голубые, красные! Желтые, зеленые, мали-и-иновые!» – не упускает случая запеть веселую песенку мой внутренний голос.

Я и сама не понимаю, какими вещами интересуюсь. Просто мне казалось, что в моем жилище должны присутствовать предметы, сохранившие отпечаток личности хозяйки.

Ну я не знаю... Корзинка с незаконченным вязаньем (не зря же я думала о набрюшниках для черепашек, я явно знакома со спицами), разбросанные там и сям конфеты и шоколадки (я сладкоежка, этот факт мне открылся еще в больнице), любимый плед на ручке кресла, облезлый плюшевый мишка с оторванным ухом...

При слове «мишка» по моим мозговым извилинам проходит беспокойная рябь, я замираю в ожидании, но ничего не происходит. Волнение затихает бесследно, в дистиллиро-

ванной памяти ничего не всплывает.

Да что такое у меня с медведями?!

«Может, ты была цирковой дрессировщицей? – оживляется неугомонный внутренний голос. – Принцессой цирка! Але, гоп!»

– Гоп-стоп, – бурчу я.

– Какие – разные? – настаивает на конкретном ответе Макс.

– Да любые! Хотя бы фотографии в рамках!

– Ты же не любишь фотографироваться, – пожимает плечами любимый. – Говоришь, что ужасно получаешься на снимках, хотя это полная чушь.

– Правда?

Я чувствую, что очень сильно изменилась. Я бы хотела сфотографироваться вместе с Максом! Не сию минуту, конечно же, не сразу после выписки из больницы, но после посещения косметолога и парикмахера, которые, надеюсь, смогут сделать меня чуточку симпатичнее, чем в натуральном виде.

– А где моя одежда? Белье, обувь? Домашние тапочки?

В больнице я пришла к смелому выводу, что по тапочкам можно очень многое узнать об их владельце.

– Ты же не носишь халаты и тапки! – Макс как будто чуточку возмущен.

– А... что же я ношу? – осторожно спрашиваю я и с тайным страхом жду ответа.

Мне рассказали (не один человек и не один раз), что в клинику меня привезли без одежды.

Ну, ладно, не просто без одежды, а буквально в чем мать родила!

Представляете?

Все, что я знаю о себе «доисторического» периода – что я в голом и пьяном виде слетела ночью в пропасть на чужой машине!

Это не способствует самоуважению.

– Шорты, майки, носки, – коротко перечисляет Макс.

Я облегченно выдыхаю. Слава богу, я хотя бы по дому не разгуливала в костюме голого короля!

– И где же они?

Черт с ними, с тапочками, ведь любимые домашние шорты (плюс к ним еще майка, плюс носки) тоже могли бы кое-что рассказать о своей хозяйке.

К примеру, если это были мягкие хлопчатобумажные штанишки-буф с цветочными принтами, значит, я романтическая особа. А если тугие «велосипедки» цвета хаки – наверное, я феминистка. А если высоко обрезанные джинсы...

– Старые я выбросил, а новые лежат в комод, – равнодушно сообщает Макс, обрывая мои волнующие фантазии на тему штанишек.

– В комод!

Со всей возможной скоростью (а это не так уж быстро, потому что я хромаю, как пират-ревматик на деревянной ноге)

я бросаюсь к упомянутому предмету мебели.

Э-э-э... М-да, негусто.

В ящике нахожу простые хлопчатобумажные носки (четыре пары в запечатанных пакетиках) и соответствующее количество такого же элементарного белья – тоже нового, с ярлычками.

– Кто это покупал?

Мне кажется, или Макс краснеет?

– Что-то не так? – спрашивает он вместо ответа.

– Нет-нет, все нормально, даже прекрасно, я очень люблю натуральные ткани, – торопливо заявляю я. – Хлопок, лен, конопляное волокно...

Гм, что-то не то я говорю, про коноплю не стоило бы, это как-то компрометирует.

– Шелк, шерсть, диагональ, драп, габардин, – меня несет.

Я собираюсь еще упомянуть натуральный мех, потому что он совершенно точно мне очень нравится – я видела норковые шубки в гардеробе клиники и тихо обзавидовалась, но в этот момент понимаю, что еще не заглядывала в гардероб, а ведь он может оказаться настоящим Клондайком!

– Как! Это все?!

Не оказался.

Улыбка, которую я удерживала так долго и старательно, капризно выгибается и перевернутой скобкой царапает мой вздрагивающий подбородок.

Макс заглядывает в подсвеченное нутро просторного

шкафа через мое плечо. Рассматривать там особенно нечего: одни поношенные голубые джинсы с вышивкой, одна розовая футболка со стразами и пятнышком алой помады на вороте и один сине-серый кардиган из тоненького трикотажа, тоже явно неновый.

– Ни курточки, ни плащика, ни шубки? – жалко лепечу я, надеясь, что не выгляжу при этом как алчная дурочка.

– Так ведь было лето! – защищается Макс.

Я сникаю. Он говорил мне, что купил эту квартиру незадолго до аварии и пожить в ней до ремонта мы не успели.

Увы, здесь все новое, а это значит, что искать тут себя старую бессмысленно.

– Помочь тебе собраться? – спрашивает Макс.

Кажется, ему не терпится отсюда убраться.

Или убрать отсюда меня.

– Что тут собирать? Лучше дай мне денег, – грустно отвечаю я. – Куплю все новое на курорте, хоть так себя порадую.

– Отличная мысль, – соглашается милый и сразу же заметно веселеет. – Тогда поехали?

– Поехали.

Повесив голову, я ковыляю к двери.

Внутренний голос укоризненно шипит что-то скверно рифмованное про глупых кур и неблагодарных дур, но я предпочитаю не принимать эти нелестные эпитеты на свой счет. В данный момент меня мучит не совесть, а обида. Я так надеялась! Так мечтала, что вспомню все, оказавшись в

нашем с Максом уютном гнездышке!

Я, правда, полагала, что наше пребывание в гнездышке ознаменуется актом плотской любви – это же логично, не правда ли? Но Макс по-прежнему обращается со мной так, словно я стеклянная (оловянная, деревянная), ограничиваясь пожатием руки и поцелуем в щечку.

Впрочем, не могу сказать, что это обстоятельство очень сильно меня расстраивает. Я по-прежнему не нахожу в себе тех пылких чувств, которые должна, по идее, питать к любимому.

Мне даже страшно становится от мысли: а вдруг я его обманывала?! Что, если я только притворялась, будто страстно люблю Макса, скажем, из корысти?

«Из какой-такой корысти? Что ты с него поимела? – недоумевает мой внутренний голос. – Шубку он тебе до сих пор не купил, хотя на дворе уже осень!»

Это правда, клумбы под деревьями у дома сплошь завалены желтой листвой. Я рассеянно ковыряю носком ботинка многослойные залежи, пока мой мужчина прогревает мотор автомобиля, на который я поглядываю со сложным чувством.

Один такой «Рено» я уже угробила, никак нельзя поддаваться желанию поклянчить поручить вторым!

– Поедем, красотка, кататься? – весело окликает меня Макс, и тут же улыбка его тускнеет. – Все в порядке? – настороженно спрашивает он и приглашающе похлопывает по

сиденью. – Поехали?

Боже, он идеальный мужчина! Другой давно уже порвал бы с беспамятной дурочкой, доставляющей столько проблем!

– Знаешь, я тебя очень люблю, – виновато говорю я, забравшись в машину.

– И я тебя, – отвечает Макс.

Я, признаться, в ожидании, но вместо того чтобы развить лирическую тему нежным поцелуем, Макс энергично давит на педали газа, и машина трогается.

Я задумчиво хмурюсь.

Между прочим, сегодня мы с Максом впервые остались вдвоем! Уединиться в клинике не представлялось возможным, потому-то мой мужчина и не пытался организовать тет-а-тет. Но сейчас-то, скажите, что ему мешает расслабиться и держаться со мной по-свойски? Я уже не говорю про секс, без него, если честно, я пока обойдусь, но хотя бы поболтать по-приятельски можно, ведь правда?

– Эээээ, – мычу я, пытаюсь придумать, с чего бы начать душевный разговор с любимым.

Черт, ничего не помню! Ничегошеньки! А ведь были, наверное, у нас актуальные темы, интересные обоим, и свои милые словечки, и шутки «на двоих».

– Макс, расскажи мне про аварию, – брякаю я, не придумав ничего лучше.

Признаться, эта тема для меня наиболее актуальна.

– Ты опять?!

Мой мужчина сердится.

– Я же говорил, что не хочу об этом говорить никогда! Ты понимаешь значение слова «никогда»? Это значит – ни разу больше, никаких вопросов, все, аллес капут, никакого обсуждения случившегося!

– Прости, прости!

Я поднимаю руки, как пленный солдат. Хенде хох – это точно в тему капута и аллеса.

– Я убежден, что эти разговоры нервируют не только меня, они очень вредны для тебя, – немного успокоившись, продолжает Макс. – Такие душевные раны не следует беречь. Забудь, позволь изгладиться этому из памяти.

– Из нее уже и без того слишком многое изгладилось, – ворчу я, отвернувшись.

– Не из твоей памяти! Из моей! – Макс стучит по клаксону, и миниатюрный «Смарт» перед нами испуганно подпрыгивает. – Идиоты, кругом одни идиоты...

Я уверена, что он имеет в виду не меня, но мои губы дрожат, и какой-то невидимый нерв внутри рвется, как струна, со звоном.

Все, мое терпение закончилось.

Я готова рискнуть.

– Макс, посмотри на меня! – требую я.

– Что, прямо сейчас? Ты хочешь снова попасть в аварию? – язвит мой милый.

– На светофоре посмотри! – ору я.

«Рено» замирает перед «зеброй» пешеходного перехода.

– Ну, я смотрю на тебя! В чем дело, дорогая? – почти спокойно спрашивает Макс, умудряясь в конце фразы ласково улыбнуться.

Он не знает, что я супергерой с супервзглядом. Что он видит, глядя на меня? Разгневанную ведьмочку с насупленными бровями и губами куриной попкой.

А что вижу я, глядя на него?

Плотный кокон из красного и черного, лиловые грозовые тучи и фиолетовые протуберанцы.

Другими словами – старательно подавляемые ярость и ненависть, злобу и липкий страх.

– Ох!

Такое ощущение, будто меня с размаху ударили по лицу.

И это мой любимый мужчина? Любимый и любящий?!

Не смешите меня.

Точнее, не страшите.

Вся дрожа, я отворачиваюсь к окну.

Мне надо подумать. Мне надо понять, что происходит.

Мне нужно вспомнить, что случилось.

– Замерзла? – как ни в чем не бывало спрашивает Макс и включает печку. – Сейчас согреешься. Ты не против, если мы заедем за Вальком? Он попросил захватить его.

Я не отвечаю, и это сходит за согласие.

Валентин живет в рабочем поселке на окраине. Мы под-

бираем его у казарменного типа здания с облезлой вывеской «Общежитие», и я впервые задумываюсь о том, что их объединяет – Валька и Макса? Вряд ли общие дела, потому что разница в материальном положении приятелей очевидна. Наверное, они друзья детства, только мой милый Макс с годами смог выбиться из дворовой песочницы в люди, а противный Валентин так и остался в низах.

Потом я вспоминаю, что Макс мне никакой не милый, и снова мрачнею.

– Тебе дурно? – замечает навязчиво заботливый лже-милый. – Что, укачало? Давай-ка, ты пересядешь назад, там ты сможешь прилечь, если захочешь.

Я не настроена спорить, мне вообще не хочется разговаривать. Макс останавливает машину, и мы с Валентином меняемся местами, но эта диспозиция сохраняется недолго.

– Останови-ка, – командует Валек и, когда Макс безропотно выполняет его просьбу, бесцеремонно подсаживается ко мне на заднее сиденье.

Макс, наблюдающий за мной в зеркало заднего вида, трогается прежде, чем я успеваю открыть дверцу и пересесть вперед. Я вынуждена делить диванчик с Валентином, отчего меня и в самом деле начинает тошнить.

Мне не нравится его запах и раздражает соседство крупного тела, которое на крутом повороте бесцеремонно наваливается на меня, а потом упорно остается слишком близко.

Я кошусь на руку, которую Валентин положил на сиденье:

мне мерещится или она действительно приближается? Подползает к моему бедру, перебирая мясистыми пальцами, как членистоногое. Касается колена.

– Макс, останови машину! – кричу я и очень убедительно – притом не особо стараясь, – изображаю рвотный позыв.

Пачкать новую машину автовладельцу не хочется. «Рено» спешно сворачивает на обочину. Я вываливаюсь туда же. Демонстративно держась за горло, отхожу от машины метров на десять. Отдышавшись, выдергиваю из кармана подаренный мне Максом коммуникатор и посылаю вызов на единственный номер, записанный в памяти нового телефона.

– Алло? – удивленно откликается трубка, и одновременно Макс распахивает автомобильную дверцу со своей стороны и высовывается из машины.

Я отворачиваюсь и, стоя к нему спиной, говорю в трубку: – Выйди, пожалуйста, нам срочно нужно поговорить. Наедине!

Мне показалось, или мой как-бы-милый пробормотал «вот ведь дура»?

Макс выходит из машины. Зябко ежась – куртку он оставил на крючке в салоне, – приближается ко мне и укоризненным взглядом спрашивает: мол, что еще за фокусы?

– Макс, так больше не может продолжаться! – звенящим шепотом говорю я. – Извини меня, но это невыносимо. Ты должен поговорить со своим другом!

– С нашим другом.

Макс как будто не удивлен.

– Мне он не друг! – возражаю я. – Макс, ты, наверное, не видишь, что происходит, но Валентин ко мне бессовестно клеится!

– Фу, – гримасничает Макс.

Не знаю, что ему не понравилось – слово, которое я выбрала, или его смысл.

– Именно что «фу»! – горячо соглашаюсь я. – Он мне противен! Мне вообще не нравится, когда меня бесцеремонно трогают посторонние люди! Скажи своему другу, пусть не лезет ко мне, пусть вообще ко мне не приближается!

– Да ради бога! – Макс пожимает плечами. – Ты все придумала, но ладно, так и быть, я поговорю с Вальком на обратном пути, когда мы поедем без тебя. Объясню ему, что в клинике ты малость одичала, и попрошу какое-то время держаться на расстоянии. Тебя это устроит?

– Да, – коротко отвечаю я, потому что нельзя требовать слишком много.

Вообще-то я предпочла бы, чтобы Валеk отвалил от меня на веки вечные, аминь!

– Но только поговоришь ты с ним об этом не на обратном пути, а сейчас!

– Вот прямо сейчас? Сию же минуту?!

Макс закипает.

– Не сию минуту, но на ближайшей остановке, – немного отступаю я. – Ты же будешь заезжать на заправку? Я выйду

за кофе, а вы тем временем побеседуете тет-а-тет.

Не дожидаясь ответа, я возвращаюсь к машине и занимаю место на переднем пассажирском сиденье.

Макс слишком сильно хлопает дверцей. Злится?

Я поворачиваю голову и смотрю на него, как эмпат.

Ого! Ого-го! Злится – это слабо сказано!

Он в бешенстве.

– Милые бранятся? – ехидно интересуется с заднего сиденья Валентин.

Я угрюмо молчу.

Макс объявляет:

– Через десять минут сделаем остановку на заправке! – и рвет машину с места, как на гонках.

– Может, песенку какую-нибудь споем? – предлагает неугомонный Валеk и сам же затягивает:

– Если с другом вышел в путь, если с другом вышел в путь, ве-се-лей до-ро-га!..

Макс молча нажимает кнопку на панели автомагнитолы, и салон распирает могучее крещендо симфонического оркестра, сопровождающего виртуозный скрипичный запил Ванессы Мей. Музыка слишком громкая, но по накалу страстей вполне соответствует наэлектризованной атмосфере в машине.

Макс вцепился в руль и смотрит прямо перед собой, держа щеками так энергично, как будто он тоже в оркестре и его игра желваками в темпе presto прописана в партитуре.

За окнами тянется желтушный лес, воздух пахнет прелью и грибами. Низкое влажное небо, в которое упирается полоса асфальта, похоже на гигантский серый гриб на черной ножке. Лаковые красные ягоды на кустах боярышника смахивают на жуткую кровавую росу.

Неподходящие декорации для истории со счастливым концом.

Я мрачнею. Ванесса Мей наяривает на скрипке, распиливая мне душу.

Прямо по курсу появляется автозаправка.

Я снова достаю телефон и, прикрываясь плечом, незаметно выбираю нужную функцию.

Не знаю, каков этот кофе на вкус, но он очень горячий. Я не могу его пить, только глубоко вдыхаю ароматный пар и грею пальцы о бумажный стакан.

Сквозь витринное стекло смотрю на «Рено», в котором сидят Макс и Валек. Они разговаривают – я вижу, что Макс обернулся назад, а Валентин слегка подался вперед. Я не слышу ни звука, но это меня несколько не беспокоит.

В пластиковом кармане на передней дверце лежит мой мобильник, включенный в режиме диктофона, и мне лишь самую малость стыдно, что я бессовестно шпионю.

Интересно, если бы сейчас на меня посмотрел какой-нибудь другой эмпат, что бы он увидел?

Наверное, в этот момент я словно северное сияние – вся в

разноцветных сполохах, ибо пребываю в растрепанных чувствах.

«Рено» нетерпеливо сигналист — это мне. Я выхожу из кафе-стекляшки, оставляю полный стакан на парапете и с невозмутимым видом сажусь в машину.

— Вкусный был кофе? — как ни в чем не бывало спрашивает Валентин.

— Очень, — отвечаю я и закрываю глаза, показывая, что хочу и буду спать.

Через некоторое время улучаю момент — мои спутники глазеют на обгоняющий нас кабриолет и комментируют водительское мастерство его владельца — и достаю из кармашка на дверце свой телефон. Выключаю его, опускаю в сумку, снова изображаю безмятежный послеобеденный сон, а потом по-настоящему засыпаю.

Меня аккуратно хлопают по щекам.

Я слышу сладкое мурлыканье:

— Проснись, красавица!

А потом сердитый голос:

— Сказано тебе, не лезь!

Я открываю глаза и вижу хмурого Макса, оттирающего в сторону ухмыляющегося Валентина.

— Приехали, — сухо информирует мой как-бы-милый и галантно подает мне руку.

Опираясь на нее, я выбираюсь из машины и делаю

несколько неуверенных шагов по гравийной дорожке.

За время поездки я отсидела здоровую ногу, отчего моя походка в стиле одноногого капитана Джона Сильвера становится особенно эффектной. Вижу, что женщина в окне небольшого аккуратного домика засмотрелась на меня, открыв напмаженный рот, и с вызовом говорю ей:

– Здрасте.

– Д-добрый день, – отвечает она и исчезает за шторой.

Шторы красивые, из плотного бежевого бархата. Складки такие ровные, словно их вырезали из песчаника. Стены домика сливочно-желтые, гладкие, над высоким крыльцом навесной козырек на изящных чугунных завитушках.

«Шикарный склеп!» – оптимистично резюмирует мой внутренний голос.

Я изучаю лакированную табличку у двери: «Санаторий «Золотые зори», бунгало 13».

Золотые – это хорошо, а тринадцать – плохо. Или я несуетерна?

Не помню.

Макс обходит меня на крыльце, заносит в дом мой чемодан и изнутри зовет:

– Дорогая, заходи, открыто!

Напмаженная особа в униформе кошмарного оранжево-розового цвета (правильно, золотые же зори) ждет у двери, с намеком потряхивая деревянной грушей с выжженным на ней роковым номером «13». К груше на манер металли-

ческих листиков прицеплены ключи – один желтый, другой серый.

– Теплое одеяло в шкафу, если понадобится утюг – скажите, а не то я могу погладить ваши вещи, если вам самой несподручно, – ласковой скороговоркой сообщает мне оранжево-розовая женщина.

Теперь она смотрит не на хромую ногу, а на руку, которую я по привычке держу на уровне груди.

Надо отвыкать, рука уже срослась и почти нормально работает.

– Обязательно, – неопределенно отвечаю я, заходя в комнату, которая станет моим домом на три недели.

Макс оплатил мое санаторное лечение. Даже не знаю, что я чувствую по этому поводу – признательность или досаду? Есть ощущение, что как-бы-милый тянет время, не желая начинать совместную жизнь со мной. С другой стороны, я рада этой отсрочке.

– Уютное гнездышко! – в окно заглядывает Валентин.

Появление между горшками с геранью его лучащейся улыбкой физиономии вызывает у меня острое желание стянуть ботинок и метко запустить его... Не в герань.

– Кроватка удобная? – не подозревая о моих мыслях, заботливо интересуется Валентин.

– Матрасик чудесный, дорогой, ортопедический! – с готовностью отзывается вместо меня розово-золотая горничная. – Он запоминает и сохраняет форму тела!

– Формы тела – это да, это надо сохранять, – бормочет Валентин, пялясь на мою грудь в тонком свитере.

Я как раз потянула с плеч куртку, но, поймав жадный мужской взгляд, опять ее запахиваю.

Макс подходит к окну и с резким треском задерживает занавеску перед лицом Валентина.

– Спасибо, – бормочу я.

– Спасибо, до свидания! – раздраженно отвечает Макс. – Надеюсь, тебе тут будет хорошо, отдыхай, лечись, восстанавливайся и звони, если что. А мы поехали.

– Спасибо, до свидания, – повторяю я.

Это звучит, как издевка, чего сердитый Макс не замечает, а мне сейчас совершенно безразлично, обидится он на меня или нет.

Я сама обижена и возмущена. Мы расстаемся на три недели – и вот как пылко прощаемся: «Звони, если что»!

Я сжимаю в кармане мобильник.

Не знаю, как насчет звонков, но этот телефон мне пригодится, не сомневаюсь.

Мужчины садятся в машину и уезжают. Я подхожу к окну, выглядываю в щелку между занавесками, провожаю ускользающую каплю «Рено» долгим взглядом, плотно закрываю раму и достаю из кармана ключи, врученные мне горничной.

Запираю дверь изнутри. Сажусь на кровать. Достаю мобильник.

Нервно крещусь и включаю шпионскую запись.

Знаете, чем я занимаюсь?

Я продолжаю придумывать новые слова.

Сочинила еще одно, немного странное: «волотолая».

Произносится почти как «волоокая», но не про красавицу, а про меня. Я ведь одну ногу тоскливо приволакиваю, а другой бодро топаю. Волотолая я!

Это хорошо говорить с вологодским акцентом, усердно окая: вОлОтОпые мы!

Волотопые и очень приметные на фоне золотой осени, потому что оставляем за собой на засыпанной листьями парковой дорожке необычный кильватерный след – несимметричный: пунктирный от правой ноги, сплошной от левой.

Видите, чтобы выследить меня в лесу, не надо быть опытным таежным охотником.

Впрочем, никто за мной не идет, а редкие встречные расступаются, пропуская убогую.

Я в санатории уже третий день, и за все это время разговаривала только с горничной, администратором в столовой и двумя дедами, которых посадили за один столик со мной, видимо, объединив нас по очевидному общему признаку – наличию хромоты.

Стариканы мои – ветераны войны с Булгарией и Хазарским каганатом, им лет по тысяче, и уши у них поросли кудрявым волосом снаружи и вековой пылью изнутри. Докричаться до барабанных перепонки уважаемых старцев с пер-

вого раза у меня не получилось, а потом я уже и не пыталась. При встрече за трапезой мы с ними друг другу приветливо киваем, в переменах между блюдами, которые привозят на скрипучих вихляющихся тележках дородные женщины в кружевных наколках, обмениваемся улыбками, а после десерта расходимся, синхронно шаркая, в разные стороны.

Даже не знаю, что бы я отдала за возможность задушевного разговора с понимающим человеком!

В отсутствие собеседника я внимательно слушаю звуки природы. Вот, царапая асфальт коготками, прошуршал мимо меня пятипалый кленовый лист. Вот раззява-белка каштан уронила: тук! Вот птица на ветке заголосила – не знаю, какая, я в птичьих голосах не разбираюсь и наверняка отличаю только петуха и кукушку.

Моя собственная поступь на слух звучит так: «Топ – шкряяяя, топ – шкряяяя...». Немузыкально, но ритмично.

«Может, хватит?» – недовольно бурчит мой внутренний голос.

Я понимаю, о чем он.

Хватит уже болтать, заглушая собственные мысли, мешая им родиться, роиться, опыляться, скрещиваться и...

Нет, правда, хватит!

Я останавливаюсь и руками в кусачих вязаных перчатках сильно тру лоб и щеки.

Я не знаю что мне делать.

Я в шоке, в растерянности, в полной прострации.

Моя соломинка переломилась: хрусть – и нету ее!

Я опускаюсь на холодную деревянную скамью под хвойным деревом и делаю то, что за последние три дня делала уже сто миллионов раз или чуть больше: достаю телефон и включаю запись, столь находчиво добытую мной в недобрый час.

Голоса звучат тихо, но они узнаваемы, и речи понятны. Непонятно другое: почему обо мне говорят в таком тоне и такими словами?!

– Что? Ломается сучка? – зло смеется Валентин.

– Ломается-обломается, – отвечает ему Макс. – А ты не спеши! Куда ты прешь, как танк? Договорились же – после свадьбы!

– Три недели в санатории, потом вы заявление подадите, еще месяц или два, пока распишетесь, это сколько же я должен ждать? – возражает Валентин. – Ты-то свое уже получил!

– Еще не все получил, квартиру мы только после развода поделим, – говорит Макс.

Голос у него довольный.

– Небось надеешься, что папа Тугарин еще вагончик-другой бабла подгонит? – опять смеется Валентин. – Ну-ну! А мне денег не нужно, я натурой возьму, как договаривались.

Макс весело хмыкает:

– А кто против? Подожди до свадьбы – и вперед, трахай сучку сколько влезет!

– Хорошо сказал!

Оба мерзко ржут.

– О, тарашится, глаза пучит, как будто ее уже того! – отсмеявшись, говорит Макс. – Давай, дурища, неси сюда свою сладкую задницу!

Громко гудит клаксон. Пять секунд тишины. Потом слышен щелчок, длинные шорохи, звонкий хлопок закрывшейся дверцы.

– Вкусный был кофе? – как ни в чем не бывало спрашивает Валентин...

Я выключаю телефон и ладонью в колючей перчатке баюкаю голову, словно горящая бабка: «Ой, лихо, лишенько...»

В который уж раз я слушаю эту запись – и мне все еще очень, очень больно!

– Ладно, – говорю я белке, наблюдающей за мной с дерева. – Ладно, есть ведь не только плохая новость, но и хорошая.

Белка растопырочкой фиксируется на стволе вниз головой. Вроде слушает меня, и от этого становится как-то легче.

– Хорошая новость: я толковый эмпат! – говорю я. – Никаких сомнений: я совершенно правильно определила, что именно чувствуют ко мне эти два друга.

Я морщусь. Белка ждет.

– Ты упадешь, когда узнаешь, – предупреждаю я, потому что она сидит в неустойчивом равновесии на подозрительно

тонкой ветке.

Попа у белки толстая и свешивается с ветки с двух сторон. Белка здоровая, так сказать, дебелая. Белка-дебелка!

А я больная дебилка...

«Ну-ну!» – тормозит неуместный самоедский порыв мой внутренний голос.

Белка требовательно цокает.

– Сказать тебе плохую новость тоже? – Я вздыхаю. – Ладно. Плохая новость заключается в том, что я кругом в дерьме. Макс женится на мне, чтобы развестись, а потом отдаст меня Валентину. Только не спрашивай, зачем ему это нужно, я ничего не понимаю.

Белка-дебелка взмахивает хвостиком, давая понять, что ей мои страдания совершенно безразличны, и убегает.

Я тяжело, как настоящая старушка, поднимаюсь со скамьи и бреду по кленовой аллее к местной достопримечательности – часовне, которая вырезана в скале. Там бьет родник, объявленный святым, и постоянно толпятся люди.

Мне хочется к людям, я уже не могу быть одна.

У часовни что-то вроде маленького митинга – или как называются такие сборища религиозных фанатиков? Один дядечка, стоя на перевернутом ведре, громко распространяется на тему страшного вреда идентификационных номеров налогоплательщиков. Уверяет, что это печать дьявола, не меньше.

Он кричит:

– Кто получил ИНН, покайтесь и больше так не делайте!

Вокруг него человек десять благодарных слушателей. Все кивают, хлопают в ладоши, предают анафеме налоговую службу.

А я даже не знаю, есть ли у меня ИНН? У меня ведь даже паспорта не было, пока Макс мне его за деньги по блату не выправил. Он сказал, что я все свои документы куда-то дела, а куда – неизвестно. Может, сожгла, может, в окно машины выбросила, когда катила голышом в неведомую даль.

Версия про окно машины кажется не лишенной смысла. Что-то такое мне смутно помнится. Очень, очень смутно.

– Что нас всех спасет? ИНН? – с нескрываемым сарказмом спрашивает мужик на ведре.

Что спасет меня, кто бы мне сказал? Я-то на Макса надеялась, а он, выходит, обманщик...

– Вера, – отвечают оратору из толпы.

– Что? Громче! – он взмахивает руками, как дирижер.

– Вера! – истошно орет какая-то женщина. – Вера!

Дзинь! В моей голове как будто разбивается что-то стеклянное. В глазах темнеет, и я слышу отчаянный женский крик:

– Вера! Верочка!

Голыми руками (куда делись перчатки?) я выкручиваю руль, и машина криво, боком уходит в пропасть.

– Господи, нет! Не надо! Я не хочу!

Я крепко-крепко сжимаю ненужный руль и, продолжая

кричать, зажмуриваюсь.

– Вот и хорошо, вот и славно, – уютным басом приговаривает женщина в белом, старательно подтыкая одеяло.

Ее усилиями я крепко зафиксирована на кровати. Если даже захочу вскочить или забиться в истерике – не смогу, одеяло меня удержит: я в нем, как кенгуренок в материнском кармане. В тепле и покое.

Да и желания истерить и вскакивать у меня нет. Мне сделали пару уколов, и теперь пропали все желания, кроме одного: спать, спать, спать.

– Вот и поспи, вот и правильно, – мягко рокошет женщина в белом. – Сон – это лучшее лекарство. Поспишь, проснешься – и все будет по-другому.

Хочется верить!

Я закрываю глаза. А когда открываю их снова – вижу, что женщина в белом была права: кое-что изменилось.

Главным образом, она сама. Обширная тетечка с шалыпинским басом чудесным образом превратилась в тоненькую девочку с нежным голосом.

– Проснулись? Вот и чудненько, доброе утро! – мелодично чирикает она и откладывает в сторону планшетный компьютер. – Как самочувствие? Чего-нибудь хотите?

– Пить, – хрипло прошу я и сажусь в постели. – И есть.

– Сейчас все будет, я закажу завтрак, – обещает девочка и идет к старомодному телефону, в лучших традициях про-

шлого века закрепленному на стене в подобии прихожей.

– У вас какой стол? – кричит она оттуда.

– Стол? – недоумеваю я.

Я уже привыкла, что доктора все время интересуются стулом пациентов, но столом?

– Номер диеты у вас какой? – розовый девочкин пальчик с аккуратным маникюром замирает над дырочкой телефонного диска.

– Не знаю, – отвечаю я. – Не помню. Я, видите ли, о себе вообще ничего не помню.

О, только не это!

Мой рот кривится, глаза наполняются слезами, нос издает трубный слоновий звук.

Все, это уже невозможно остановить. Я самозабвенно рыдаю.

Милая девочка приносит мне чистую махровую салфетку и вместо утешений деловито говорит неожиданное:

– Знаете, слезы разъедают кожу, потом раздражение будет! – после чего возвращается к телефону.

Я машинально вытираю лицо насухо (кому нужны прыщи, в самом деле?) и слышу, как девочка в прихожей распоряжается:

– Фабрика-кухня? Пришлите в тринадцатый номер праздничный ужин «Медовый месяц».

Потом она возвращается в комнату и, заговорщицки улыбаясь, говорит:

– Завтрак по пятому диетическому столу – это ведь не то, что нам сейчас нужно, правда? Я Лариса. А вас как зовут?

– Ма...

Я собираюсь ответить «Мария», но осекаюсь. Я и раньше сомневалась в том, что Мария – мое настоящее имя, а теперь и вовсе уверена, что это не так.

Женский крик «Вера! Вера!» – перевернул мою душу, и со дна ее поднялось отчетливое воспоминание. Всего одно, зато какое – сам момент аварии! Очевидно, что имя Вера для меня – не пустой звук. Уж точно, оно мне ближе, чем Мария.

– Ма... Мое имя Вера, – отвечаю я.

– А в карточке написано Мария, – недоумевает наблюдающая девочка.

– Мария-Вера, – находчиво выкручиваюсь я. – Двойное имя.

– Как Хуан-Карлос и Хосе-Игнасио? Должно быть, когда вы родились, ваша мама фанатела от мексиканских сериалов, – смеется Лариса.

– Вряд ли, я должна быть постарше, – говорю я, потому что знаю, что «Просто Марию» показывали в девяностом году, а мне, наверное, уже за тридцать.

– Вы не знаете, сколько вам лет?

Я внимательно смотрю на Ларису.

Она уютно светится теплым желтым светом, как ночничок в детской комнате – никаких отрицательных эмоций, только спокойное любопытство и дружелюбие.

Я ей симпатична.

А мне так нужен друг!

– Я не помню, – признаюсь я. – И... хотите, я вам все расскажу?

Спустя час мы сидим на кровати – я на одном конце, Лариска – на другом. Между нами – поднос с остатками роскошного ужина и Ларин компьютер-планшет.

– Ерунда, в Интернете найдется абсолютно все, просто быть того не может, чтобы что-то не нашлось! – приговаривает она, тюкая пальцем по сенсорному экрану.

Палец то и дело промахивается, открывая то рекламу нового средства от диареи, то страничку элитного спа-салона, и Лариска смешно чертыхается, а я хохочу.

Мне давно уже не было так весело! Что, интересно, пузырилось в нашем шампанском – веселящий газ?

Моя новая подружка – яркий представитель поколения, для которого компьютер – неотъемлемая часть жизни, а Интернет – более комфортная среда обитания, чем реальность.

– Если ты общалась с Валентином и Максом еще до аварии, значит, у вас была своя компания, компания – это общие знакомые, а знакомых проще всего искать в соцсети, – объявляет Лариска, сочувственно выслушав мою драматическую историю. – У тебя есть свой профиль на Фейсбуке?

– У меня там даже своего фаса нет! – хихикаю я.

– Зайдем через меня, – не тушуетсся компьютерный гений.

Я не знаю фамилию Валентина, но Макс мне свою называл

– он Ребров. Я, признаться, уже примеряла эту фамилию к себе и нашла, что сочетание «Мария Реброва» звучит как-то слишком по-библейски. Впрочем, «Вера Реброва» в этом смысле еще хуже, что было бы огорчительно, если бы я по-прежнему собиралась за Макса замуж.

– Так, вот тебе все-все Максимы Ребровы русскоязычного Фейсбука, – у Лариски наконец получилось попасть в нужную кнопку. – Смотри, который из них твой?

– Этот, – показываю я.

Боже, сколько на свете Максимов Ребровых! Кто бы мог подумать! Зачем?

Одного Макса хватило, чтобы скомпрометировать их всех.

– Этот, этот, – приговаривает Лариска, нацеливая палец на физиономию моего знакомого.

Лучше бы она его кирпичом приложила, ей-богу...

– Вот! Смотри сюда, это все его друзья на Фейсбуке! – Лариска открывает новый набор фотографий и передает мне планшет. – Может, и ты здесь есть? Или еще кто-то знакомый?

Я внимательно рассматриваю лица на снимках. Общительный парень, этот Макс Ребров! Триста с лишним человек в друзьях, толпа народу!

К сожалению, меня среди них нет.

– А жаль, – сокрушается Лариска. – Из профиля в соцсети мы бы о тебе все-все выяснили! Но хоть кого-то, кроме

Макса, ты узнаешь?

– Вот, кажется, знакомое лицо, – указываю я на девушку.

И, чтобы скорее развеять свои сомнения, открываю ее страничку.

– Тамара Кондратьева! – обрадованно читает Лариска. – Так ты ее знаешь?

А я разочарована. Тамара Кондратьева – это медсестра из больницы!

– Симпатичная, и фигурка ничего, – не замечая моей реакции, оживленно комментирует Лариска. – Смотри, какая футболочка – от Шанель!

Я расстроена и тупо смотрю на розовую шанелевскую футболочку с таким же безразличием, с каким смотрела бы на серый ватник лесоруба.

– Со стразиками! – восхищается Лариска и максимально увеличивает фотографию.

И тут я замечаю: со стразиками и с алым пятнышком помады на вороте!

Что такое?!

Святой кутюр, да это же та самая футболка, что висит в шкафу у Макса!

Якобы моя!

Во мне просыпается живейший интерес:

– А ну-ка, давай еще снимки посмотрим, поглядим на другие наряды Тамары!

В отличие от меня (если верить Максу), медсестричка

очень любит фотографироваться. Вскоре мы находим ее фото в голубых джинсах с вышивкой. Серо-синего трикотажного кардигана я, правда, не увидела, но два попадания из трех – это, по-моему, серьезно.

Значит, Макс и в этом мне соврал – никаких моих старых вещей у него не осталось, в шкафу под видом моих одежек висят поношенные тряпки медсестры Тамары.

«То-то она ревновала!» – подсказывает внутренний голос, и я вспоминаю: а ведь точно!

То ядовитое болотно-зеленое свечение – это же была ревность! И еще она мысленно назвала меня *тупой страшилой!*

Вот мерзавка.

И Макс мерзавец – притворялся влюбленным в меня, а сам завел шашни с медсестрицей.

– Ладно, с этим все понятно, – говорю я, закрывая для себя неприятную тему.

– Может, еще что-нибудь поищем? – предлагает Лариска.

Она расстроена тем, что не смогла мне помочь. Прямо сияющая вся – в смысле, светится синим.

Хорошая девочка.

– Может, и поищем, – задумчиво тяну я. – Есть еще одно имя или фамилия...

Тугарин.

Отвратительный Валентин говорил омерзительному Макс: мол, Тугарин тебе вагон денег подбросит.

– Тугарин, – произношу я вслух. – Поищи, пожалуйста,

Тугарина.

– Да я и так знаю: Тугарин-змей! – машет рукой Лариска. – Главный враг богатыря из мультика!

– А если не из мультика?

Лариска ныряет в Интернет, шустро находит с десяток Тугариных не-змеев и удивляется:

– Надо же, а это, оказывается, человеческая фамилия, и не такая уж редкая! Тебе какой Тугарин нужен?

– Богатый, – подумав, отвечаю я.

– Тогда этот! – через пару минут заключает мой интернет-эксперт. – Матвей Тугарин, владелец РТК. Он богаче всех, и не только среди Тугариных.

– РТК – это Российская Транспортная Компания? – уточняю я и не могу сдержать радости. – Вагоны! Точно! Это мой Тугарин!

– В каком смысле – твой? Он тебе кто? Родня?! – Лариска восторженно ахает. – Слу-у-ушай, Верка! А что, если ты его дочка? Принцесса транспортной империи! Может, папа Тугарин тебя потерял, а теперь ищет, вы воссоединитесь, и станешь ты богатой-пребогатой наследницей огромного состояния! Только обещай, что и тогда мы останемся подружками!

– Папа Тугарин? Папа Тугарин!

В словах Лариски кое-что есть. Валек ведь так и сказал Макс: папа Тугарин!

– Лар! А телефончик этого Тугарина ты мне не найдешь? Ты так хорошо разбираешься в Интернете, а там ведь все

есть, – я с надеждой смотрю на подружку.

– Может, и найду, – обещает она, надуваясь от гордости. – Конечно, это дело трудное, но я постараюсь. Только попозже, сейчас мне надо бежать, я и так у тебя задержалась.

Моя сиделка уходит. Некоторое время я бесцельно слоняюсь из угла в угол, потом вспоминаю, что добрый доктор Иван Антонович велел мне разрабатывать ногу неторопливыми прогулками на свежем воздухе, и выхожу на променад.

Осенний лес нереально красив, и мне кажется, будто я прогуливаюсь в театральных декорациях. Мысли мои под стать обстановке: я думаю, а не могу ли я и вправду быть дочкой транспортного императора?

Когда Валентин в том разговоре с Максом назвал Тугарина папой, что он имел в виду? Папой кого? То есть чьим? Ведь безотносительно наличию отпрысков Папой называют только главу католической церкви, а это явно не из нашей оперы.

– О дочь моя! – пробую я голос на мотив Вагнера (в оригинале было «О лебедь мой!», так что мой текст ложится идеально). – Грустна ты и печала-а-альна!

Это не совсем правда, потому что сегодня я исполнена надежды и воодушевления. Папа Тугарин – это шикарная перспектива!

Хотя... Если он *мой* отец, почему вагона денег от него ждет Макс?

«В приданое?» – предполагает мой внутренний голос, и

я отчетливо воображаю украшенный лентами и розетками товарный вагон, битком набитый деньгами.

Хм... Допустим, я богатая невеста. Тогда можно предположить, что Макс хочет жениться на мне из-за денег. А потом, поскольку он меня терпеть не может, намерен развестись и разделить со мной имущество. Логично? Логично!

То есть было бы логично, если бы в разговоре о предстоящем разделе имущества не упоминалась квартира. Она ведь куплена Максом. Зачем же ему жениться на мне, чтобы после развода делить свою жилплощадь?

Я думаю, думаю – и понимаю, что это имеет смысл лишь в одном-единственном случае: если Макс обманул меня и в этом и квартира принадлежит не ему, а мне.

Но тогда, значит, в документах на право владения недвижимостью указано мое имя! Стало быть, я могу его узнать!

Или нет.

Я продолжаю думать.

Если для того, чтобы претендовать на мою собственность, Макс должен на мне жениться, значит, имя в моем паспорте и имя владелицы квартиры в документах на имущество совпадают.

А кто мне выправил паспорт?

Макс.

Что-то я запуталась.

Мое воодушевление гаснет.

Как мне разобраться во всем этом? Как?!

«Молча», – бурчит внутренний голос.

Что он, собственно, имеет в виду? Молча – то есть без слов? А как иначе? На пальцах?

И тут до меня доходит, что я действительно имею возможность получать от людей информацию без всяких слов. Более того, я ведь этот способ уже использовала, но всего лишь пару раз и совершенно произвольно.

Мой «эмматовый» взгляд. Как бы его потренировать и развить?

Первая тренировка супергерою не удастся.

– Что это с ней? – бесцеремонно указывая на меня, орет седой дедуля дедуле лысому.

Они оба почти глухие, но почему-то предпочитают общаться между собой, а не с нормальными людьми, способными правильно расслышать слова собеседника.

– Во сне? – вопит в ответ дедуля лысый. – Видеть во сне красивую девушку – это к богатству!

Он подмигивает мне, и я застенчиво улыбаюсь. Правильным курсом идете, товарищи дедушки, за «красивую девушку» я готова простить вам любую бестактность.

Если честно, красотой я сейчас не блещу. Особенно портит меня прическа «под газонокосилку». В клинике меня обрили наголо, и теперь моя голова похожа на косматый шарик чертополоха. Темные жесткие волосы еще слишком короткие, чтобы сделать модельную стрижку, но уже слишком

длинны, чтобы сойти за стильный «ежик».

Зато у меня большие красивые глаза, и как раз на них, рискуя ненароком ослепить меня, трясущейся рукой указывает седой дедуля:

– Глаза, как плоски!

– Как лошадь? – по-своему слышит его лысый дед. – Какая лошадь?

Я тоже в недоумении: какая еще лошадь? Вот уж на лошадь я нисколько не похожа, не настолько крупна.

– Это что, базедова болезнь? – орет любознательный седой.

– Баязет? – вопит в ответ лысый.

– У кого это базедова болезнь? У меня? – лепечу я обиженно.

Все в столовой смотрят на нас и хихикают, только мне не смешно. Допотопные глухари обсуждают меня, нимало не смущаясь всеобщего внимания.

– «Баязет» – это коньяк! – авторитетно информирует лысого седой.

– Конь, да! – соглашается лысый.

Отлично, они пришли к взаимопониманию: конь, лошадь – и все это обо мне!

И лишь потому, что я таращила глаза, как жертва базедовой болезни, пытаюсь отработать на своих дедульках проникновенный взгляд эмпата!

Пока не получается, к сожалению. Я буду пробовать еще,

но, пожалуй, не в столовой. Надо подыскать другое место скопления людей, на которых можно ставить безболезненные эксперименты.

После обеда я сижу на лавочке у часовни, усиленно пытаясь на кучкующихся там граждан. Те из них, кто натывается на мой пронзительный взгляд, беспокоятся: кто-то потирает область сердца, кто-то шепчет не то молитвы, не то ругательства, а одна особенно нервная старушка так отпрянула, что чуть не сбила стальную мусорную урну.

Я понимаю, что мои эксперименты негуманны, и временно прекращаю их. Попрактикуюсь при случае на ком-нибудь молодом и здоровом.

А потом мне звонит Лариса. Ее номер – уже второй в моей телефонной книжке, и я радуюсь тому, что обрastaю контактами. Что ни день, то чей-то номер!

Новая подружка превращает мою радость из тихой в бурную долгожданным сообщением:

– Есть контакт! Я добыла телефон Матвея Тугарина, правда, только домашний. Такой тебя устроит?

– Меня любой устроит, – заверяю я и под диктовку записываю цифры первым, что попало под руку, и где попало – карандашом для бровей на обоях под зеркалом.

Варварство, конечно, но я пишу без нажима, а обои моющиеся, так что запись можно будет смыть.

Позже. Сейчас я слушаю эмоциональное повествование о том, как Лариса узнала заветный номер.

– Сначала я нашла телефон его компании, – рассказывает она. – Было ясно, что дальше приемной меня не пропустят, поэтому я и не пыталась спрашивать самого Матвея Васильевича. Я сказала, что звоню из частной клиники «Здоровье женщины», мол, у нас тут случился компьютерный сбой, мы потеряли мобильный номер Ольги Викторовны, так не может ли супруг передать ей, что гинеколог получил ее анализы и... Дальше, как ты понимаешь, секретарша и слушать не стала. Просто дала мне домашний номер Тугариных и предложила рассказать Ольге Викторовне все лично.

– Ольга Викторовна – это супруга Тугарина? – уточняю я.

И с замиранием сердца думаю – может быть, она моя мама? Если Тугарин – мой папа, конечно.

– Ага, – подтверждает Лариса. – Только ты учти, восемь-три-девять-один-девять – это код Норильска, Тугарины там живут. И разница во времени у нас с ними четыре часа, так что ты не тяни со звонком, чтобы ночью людей не будить.

Мне кажется, если я действительно потерянная дочка Тугариных, то они будут рады и полному звонку, но уверенности в наших родственных связях у меня нет, и я соглашаюсь с подружкой:

– Конечно, я не буду тянуть.

– Потом мне расскажешь! Забегу к тебе вечером! – обещает она и отключается.

А я смотрю на телефон, не решаясь набрать это самое восемь-три-девять-как-там-дальше.

Мне тревожно.

Я отчаянно надеюсь, что вот-вот узнаю о себе нечто важное, и в то же время понимаю, что надежда эта выросла и расцвела на очень зыбкой почве.

Однако выбора у меня нет. Надо звонить, и я звоню.

Дозваниваюсь, как ни странно, сразу же.

«Это судьба!» – ликует внутренний голос, тут же начиная сочинять душеспитательную историю воссоединения блудной дочери с семьей.

Все-таки были у меня в роду любители мексиканских сериалов...

– Резиденция «Синие сосны», добрый вечер, – бодро приветствует меня женский голос.

Он явно немолодой, что меня обнадеживает. Если Ольга Викторовна Тугарина – моя мать, то ей точно не меньше пятидесяти. А может, трубку сняла моя бабушка?

Воображение с готовностью рисует добрую морщинистую старушку с начатым вязаньем.

– Ба... Ма... – мямлю я.

– Говорите громче, пожалуйста, и представьтесь, кто вы?

Вот как я должна ответить на этот резонный вопрос, а?

– Ээээ, – тяну я. – Не знаю, говорит ли вам что-нибудь такое имя – Мария Виленская?

Если мне скажут «нет», я прямо спрошу: «А у вас девочка в семье не терялась?»

– Вы кто? Вы из клиники насчет Маши?!

Кем бы ни была немолодая дама на другом конце воображаемого провода, она взволнована.

Я понимаю, что не промахнулась, что-то меня с этими Тугариными связывает, и тороплюсь объяснить:

– Вообще-то, это я – Маша Виленская.

– Слава богу, Машенька! – восклицает моя собеседница и оглушительно кричит:

– Ольга Викторовна! Ольга Викторовна! Маша звонит, Маша Виленская, сама нам звонит!

Так. Непохоже, что эта шумная дама – моя бабуля. Подождем Ольгу Викторовну.

Она появляется удивительно быстро – а я приготовилась терпеливо ждать, предполагая, что дом, который торжественно величают «резиденция «Синие сосны», имеет примерно сотню комнат, и для скоростного перемещения по нему нужны роликовые коньки.

Нет, через считанные секунды из трубки доносится:

– Вероника Семеновна, успокойтесь, не надо кричать!

Но и этот новый женский голос растревожен.

– Маша?! – выдыхает он в трубку.

– Да, это я. Здравствуйте, – говорю я, не зная, какое обращение добавить – Ольга Викторовна? Мамочка? Госпожа Тугарина?

– Машенька, милая, как же я рада! Тебя уже выписали? Как ты себя чувствуешь?

Хм. По-прежнему ничего не понятно.

– Хорошо, – отвечаю я осторожно.

– Руку разрабатываешь? А как нога? Иван Антонович говорил, тебе ногой надо заниматься постоянно! Ты это делаешь?

Ага, она общалась с моим лечащим врачом. Интересно.

– Да, я стараюсь побольше ходить, – говорю я.

– Но не слишком много, да? Не переутомляй себя, пожалуйста! Ты уже в санатории?

Ого, она и о санатории знает!

У меня начинается головокружение.

Ольга Викторовна хвалит санаторий, снова упоминает Ивана Антоновича с его рекомендациями, обещает поставить меня на ноги и вообще не оставлять заботой и вниманием.

Я уже совсем ничего не понимаю и не выдерживаю:

– Простите! Ольга Викторовна, откуда вы меня знаете?!

Трубка замолкает, затем издает тихий вздох.

– Ох, Иван Антонович предупреждал меня... Машенька, ты так и не вспомнила?

Я признаюсь, что не помню ровным счетом ничего из того, что было, прежде чем я очнулась в больнице, и моя собеседница снова вздыхает:

– Наверное, я должна тебе рассказать...

– Расскажите, пожалуйста, – прошу я, стискивая трубку вспотевшей от волнения ладонью.

И она рассказывает.

– Наш папа очень много работает, и мы нечасто его видим, поэтому отпуск всегда проводим вместе.

«Папа Тугарин», понимаю я. Не римский папа. Про римского мне сейчас было бы неинтересно.

– Но на Канарах наша детка очень тяжело пережила акклиматизацию, в Индии чем-то отравилась, а в Африке и вообще подцепила кожную болезнь, – продолжает рассказчица. – Поэтому Мотя сказал: больше никаких заграниц! Пока дочка не подрастет, только Крым и Кавказ! И этим летом мы поехали в Анапу. Мотя сказал, для дошколят это лучшее место, он сам туда в детстве ездил, и было чудесно.

Ольга Викторовна затихает, и я тоже молчу.

Кто я, чтобы спорить с Мотей? И, кстати, он прав.

– Ах, это было так замечательно! – растроганно вздыхает Ольга Викторовна.

Оказывается, она сделала паузу, чтобы наскоро перебрать приятные воспоминания.

– Мы прилетели в Краснодар, и Моте прямо в аэропорт подогнали машину. Он обожает рулить, но дома у него водитель и жесткое расписание, а тут – езжай куда угодно и как хочешь! Мы не спешили, выехали, когда стемнело – чтоб не по жаре и чтобы машин на дороге поменьше. Останавливались в живописных местах, фотографировались, покупали фрукты и мед, было так весело! Мотя сказал – совсем как в старые времена!

Она опять замолкает.

– Здорово, – вставляю я, чтобы хоть что-то сказать.

– Да, было здорово, – радостный и ясный голос Ольги Викторовны тускнеет. – А потом мы остановились на перевале. Там, где смотровая площадка, три медведя и деревья, исполняющие желания.

Мое сердце пропускает удар.

Я вспоминаю медведей!

– Мотя с деткой пошли к роднику, – напряженно продолжает Ольга Викторовна.

– Ночью? – автоматически и отстраненно (ибо думаю о другом) удивляюсь я.

– Так это ведь по местному времени было два часа ночи – как раз радио в машине пикнуло, по нашему-то уже утро наступило, а детка у нас рано встает! – объясняет Тугарина. – Они уже возвращались, и доченька шла первой. Она выскочила на дорогу, и тут ты!

– Что – я?

– Ты ехала очень быстро! И прямо на нее! – голос в трубке звенит и ломается. – А она испугалась и замерла...

– И что было дальше? – не выдержав паузу, спрашиваю я.

– Я видела, что машина летит прямо на доченьку, и закричала...

– Вы закричали: «Вера! Вера!» – медленно договариваю за нее я.

И машина криво, боком ушла в пропасть.

– Да! Ты вспомнила?!

– Пока только это. Но вы рассказывайте, рассказывайте! Звуки в трубке подозрительно похожи на плач.

– Ты убила себя, чтобы спасти нашу детку, – всхлипывает Ольга Викторовна. – Мотя сказал – мы твои должники по гроб жизни!

Вот теперь мне кое-что понятно:

– Значит, это вы оплатили мое лечение в клинике и санатории?

– Мотя сказал – это самое меньшее, что мы можем для тебя сделать! Извини, что не были рядом с тобой в трудное время, но этот милый юноша, твой жених, обещал о тебе хорошенько заботиться, а доктор сказал, что ты в коме и все равно нас не увидишь.

Кажется, Ольга Викторовна смущена, но меня интересует другое:

– Так вы и с Максом разговаривали?

– Конечно, и не раз! Он информировал нас о расходах и советовался по поводу квартиры! Не мала тебе будет «двушка»? Ты, конечно, пока что девушка свободная, но надо и о будущем подумать. Она тебе хотя бы понравилась? Ты ведь ее не видела, Макс один выбирал. Мотя сказал – это наш тебе подарок на день рождения. Ты же вроде как заново родилась!

– Огромное вам спасибо, – благодарю я и думаю: «Придушила бы Макса!»

Аферист он, а не жених!

Интересно, сколько денег из тех, что выделялись «на рас-

ходы», Макс положил в свой карман?

– На здоровье! – облегченно смеется Ольга Викторовна. – Что еще будет нужно – любое лечение – ты только скажи! Кстати, как тебе «Старбанк», устраивает, удобно им пользоваться? Мотя сказал, что он и дальше будет переводить деньги на твой счет каждый месяц.

– Как пенсию по инвалидности? – неуклюже шучу я.

– Но ты ведь и вправду серьезно пострадала! – у моей собеседницы опять виноватый голос.

– Все будет хорошо, – успокаиваю ее я. – Со мной все будет хорошо!

Я еще раз сердечно благодарю, прошу передать приветы Моте и Вере, обещаю регулярно звонить, и мы тепло прощаемся.

У меня голова, как котел! В смысле, в ней такая каша!

Самого-то главного мой разговор с Тугариной не прояснил – я по-прежнему не знаю, кто я и как меня зовут! Хуже того, я теперь знаю, что я не Вера, потому что Вера – это дочь Тугариных, так что в этом смысле результат беседы минусовой.

– Да брось, результат положительный – ты узнала, что у тебя есть свое жилье и постоянный источник средств к существованию! – возражает мне Лариса, прибежавшая в мое бунгало после ужина. – Эх, везет же некоторым! Станешь жить, как королева, Тугарин, похоже, не жадина, будет содержать тебя прилично.

– Конечно, Мотя сказал – Мотя сделал, – поддакиваю я, и мы дружно смеемся.

– Все же о какой сумме речь, тебе не сказали? – отсмеявшись, спрашивает Лариса.

– Нет, но я выясню, – отвечаю я, сообразив, что вот это-то могу выяснить без особого труда. – Ты не знаешь, где находится ближайшее отделение «Старбанка»?

– В Кипучеключевске. Отсюда всего десять километров, и автобус ходит каждые два часа.

– Вот и славно.

Я действительно довольна: будет чем заняться завтра!

Посмотрю, что это за Кипучеключевск.

Утром за мной приходит давешняя басовитая тетушка.

– Ты, милая, на процедуры-то собираешься? Вчера пропустила! – строго говорит она, оглядывая меня с нескрываемым подозрением.

Я уже в джинсах, куртке и кроссовках, с торбой через плечо и без макияжа – сразу видно, собралась в поход. На процедуры санаторные дамы ходят принаряженными, в парадном макияже, с прическами и со щегольскими сумочками, дополненными большими цветными пакетами с полотенцами и простынками.

– Уже бегу, бегу! – заверяю я суровую тетю и тороплюсь улизнуть, что мне не так-то просто сделать из-за предательской хромоты.

Со стороны мы двое смотримся, как одышливый бульдог, преследующий тощего колченогого зайца.

На мое счастье, на подходе к процедурному комплексу меня перехватывает Лариса, не стесняющаяся обмануть старшего товарища.

– МарьсERGEВНА, я ее отведу! – машет она сердитой тетушке и сквозь журчащий бюветами мраморный холл без задержки выводит меня из корпуса через заднюю дверь.

– Вот по этой дорожке до забора, там пролезешь в дыру, а оттуда по тропинке прямо до остановки пройдешь, – напутствует она меня. – Давай, удачи!

– И тебе, – киваю я, понимая, что с сердитой тети станется предъявить легкомысленной Лариске претензии.

Тряский астматический автобус с сиденьями из облезлого кожзаменителя и с выцветшими пыльными флагами занавесок на окнах привозит меня в город Кипучеключевск.

Здесь по-своему колоритно. Приземистое здание автовокзала по фасаду украшено серыми морщинистыми колоннами, похожими на слоновьи ноги. В центре площади высится зенитка на постаменте, а перед дверью кафе-ресторана «Путь-дорога» почему-то лежит здоровенный черный якорь. Видимо, заведение таким образом выражает готовность обслуживать и тех пассажиров, которые следуют водным путем, хотя в непосредственной близости такового не видно. А зенитка на площади – серьезная заявка на обслуживание воздухоплавателей.

От бабки, торгующей семечками и астрами в однотипных газетных фунтиках, я узнаю, где находится «Старбанк».

– А вона там, вишь, хвост торчит? Народ за пенсиями встал, – ориентирует меня бабуля.

Торчащий хвост – это довольно длинная очередь. Я обхожу ее с независимым видом, который никого не обманывает. Бдительные граждане в очереди поднимают шум.

– Я не за пенсией! Мне вклад проверить! – объясняю я, хотя по существу они правы: я действительно пришла по поводу пенсии по инвалидности, которую мне назначил Тугарин.

Но и я тоже права: нужное мне окошко свободно.

– Здравствуйте, – говорю я скучной девушке за конторкой. – У меня вклад в вашем банке, я хотела бы узнать сумму на счете.

– Паспорт.

Я отдаю свой документ и с детским интересом жду продолжения. В самом деле, это интригует: какое содержание мне назначил Тугарин?

– Сейчас ноль, – равнодушно сообщает девушка.

Потом стучит по клавишам компьютера, снова смотрит на экран и так же равнодушно выдает:

– А, нет, был ноль, сегодня поступило тридцать тысяч.

Тридцать тысяч! Я впечатлена.

Умножаю тридцать сначала на двенадцать (это триста шестьдесят тысяч в год), потом еще на... м-м-м, например,

пятьдесят лет – получается восемнадцать миллионов! Ого! И еще за квартиру, наверное, не один «лимон» был заплачен, и затяжное мое лечение чего-то стоило.

Получается, Тугарин оценил мой самоотверженный подвиг в двадцать с чем-то миллионов рублей. Это очень хорошая цена, семьям жертв катастроф выплачивают суммы куда как меньше. А я ведь при всем при этом еще и жива!

Пока я занимаюсь приятными подсчетами, банковская девушка голосом бездушного робота бубнит про рекламную акцию: оказывается, я могу совершенно бесплатно получить пластиковую карточку. Она не именная, зато выдадут мне ее прямо сейчас.

– Давайте, – соглашаюсь я.

– Но дубликата не будет, – еще раз посмотрев на экран, объявляет девушка.

– А зачем мне дубликат? – недоумеваю я.

– Вы же оформили дубликат на свою карточку «Виза».

– У меня две «Визы»?

Я поднимаю брови. Если честно, у меня ни одной банковской карточки нет! Только некоторая сумма наличных, выданная мне Максом на покупку нового гардероба.

Я, кстати, почти ничего не потратила – не успела. Купила только в сувенирном ларьке при санатории пару футболок с затейливой, в брызгах пены и клубях пара, надписью «Кипучеключевск».

– Одна на имя держателя счета, то есть на ваше, а вторая –

на Максима Сергеевича Реброва по доверенности, – невозможно информирует меня девушка.

– Да, в самом деле, – я быстренько соображаю. – Скажите, а я могу закрыть эти карточки?

– Обе? – девушка впервые поднимает на меня глаза. – А зачем?

– А мне так хочется, – с нажимом говорю я, пристально глядя в незамутненные мыслями голубые глаза.

Аура у девушки серенькая. Ей страшно скучно, и даже я со своим странноватым желанием ее почти не развлекаю.

– Ну, можно, – она пожимает плечами и барабанит по клавиатуре.

Через четверть часа я выхожу из банка с новенькой пластиковой карточкой в руке и злорадной улыбкой на устах.

Вот тебе, Макс Ребров! Получи!

То есть, наоборот, ничего ты больше не получишь с моего персонального пенсионного счета!

Я чертовски довольна собой и сажусь отпраздновать свою маленькую победу – она и моральная, и материальная – в кафе-ресторане с гигантским якорем у порога.

День ясный и солнечный. Я устраиваюсь на открытой террасе и, прихлебывая вкусный грибной супчик, бездумно плююсь на площадь.

Бабка с семечками сидит на месте, как приклеенная, несмотря на то что товаром ее никто не интересуется. Хвост ожидающих пенсии медленно втягивается за дверь банка,

становясь все короче. Вид на слоновьи ноги автовокзала то и дело закрывают подъезжающие автобусы.

Из них лишь некоторые имеют бледный вид доходяг, с прошлого века курсирующих между Кипучеключевском и окрестными поселками. Очень часто к автовокзалу подкапывают новые двухэтажные автобусы междугородного сообщения. Какое-то время я изучаю помещенные под ветровым стеклом таблички с указанием маршрута, и мой желудок переваривает супчик, а голова – перспективную мысль.

Спасибо Ольге Викторовне Тугариной, я теперь знаю точное время и место моей аварии! Что, если мне удастся найти и других ее свидетелей? Может быть, кто-то расскажет нечто такое, что поможет мне в поисках самой себя?

А где искать потенциальных свидетелей, я уже придумала.

Закончив свой обед, я пересекаю площадь и в густой тени непропорционально низкого портика, обессиленно распластавшегося на слоновидных колоннах, нахожу окно с вывеской «Предварительная продажа билетов».

Должно быть, летом тут аншлаг, но сейчас никого. Только по ту сторону стекла, продырявленного полукруглым, как кошачий лаз, отверстием, увлеченно читает книжку немолодая кассирша.

Я наклоняюсь, чтобы заглянуть в амбразуру, очень неудобно прорезанную на уровне моей груди, и некоторое время с интересом рассматриваю цветную обложку книжки.

На ней нарисован мускулистый голубой мужик, и «голу-

бой» в данном случае не сексуальная ориентация, а цвет кожи. С ориентацией у дюжего детинушки все в порядке: он страстно тянется к фигуристой блондинке с грудями тугими и розовыми, как наши кубанские помидоры. Цветовой контраст заставляет задуматься: а пара ли они друг другу, эти двое? Розовая Джульетта и голубой Ромео! Это ж какие детишки у них будут, если лав стори сложится благополучно?

«Фиолетовые в крапинку!» – жеманно ужасается мой внутренний голос.

Цитата из мультика про Алису Селезневу наводит на мысль о глубоком космосе. Возможно, синий Ромео – Чужой?

Жаль, что толстыми пальцами кассирша закрывает название книжки.

«Любовь Аватара!» – тут же предлагает свой вариант мой внутренний голос.

– У Аватара хвост был, – возражаю я.

– Что? – кассирша поднимает голову.

Взгляд у нее затуманенный, нездешний.

– Добрый день, а это кто тут у вас? – вежливо поздоровавшись, спрашиваю я вовсе не то, что хотела. – Аватар?

– Да это же Ладислав, герцог мрака! – обижается читательница.

– Мертвец, что ли? Зомби? – мне хочется понять происхождение синих кожных покровов.

– Вампир!

– А-а-а-а! – я хлопаю себя по лбу. – Ну, точно! Не узнала, долго жить будет... А вы не поможете мне?

– Предварительная продажа билетов за четырнадцать календарных дней, – сообщает кассирша, глядя на меня без приязни.

– Я заплачу, – говорю я. – Но не за билет, а за помощь. Мне нужна информация. Очень нужна!

Женщина смотрит на меня с подозрением. О чем, она думает, я ее попрошу? Предложу продать родину-Землю чужим аватарам?

– Через ваш вокзал проходят все автобусы дальнего следования на море и с моря, ведь так? – спрашиваю я.

Кассирша неуверенно кивает.

– Мне нужно знать, какой автобус или какие автобусы проезжали мимо смотровой площадки на перевале около двух часов ночи четвертого июня. Это можно узнать?

Одновременно я засовываю в окошко купюру, достоинство которой не позволяет отказать мне в этой пустяковой, в общем-то, просьбе.

– А зачем... – не отрывая взгляда от денежки, начинает кассирша.

– Зачем мне это нужно? – с пониманием подхватываю я. – Затем, что ночью четвертого июня у меня на перевале заглохла машина, а я чертовски плохо разбираюсь в автомеханике и наверняка проторчала бы в горах всю ночь и еще полдня, если бы меня не спас водитель проезжавшего мимо

автобуса. Не спрашивайте, откуда и куда он шел, и какого был цвета и марки! Я тогда ничего не запомнила, потому что жутко нервничала!

Тетка смотрит на меня, как на чокнутую.

– Да, да, все это звучит очень глупо, вы можете подумать, что я идиотка, но неблагодарной меня еще никто не называл! – тороплюсь объяснить я. – Мне хочется отблагодарить того водителя, но я не знала, как его найти, пока не попала сюда и не увидела все эти автобусы.

Я толкаю вперед купюру, и она планирует на стол кассирши.

– Я даже не знаю, – тянет она, косясь на денежку, но не делая попытки ее вернуть.

– Вы просто попытайтесь, – прошу я. – Не получится – значит, не получится. Я все равно буду признательна вам за попытку.

Сказанное означает, что в любом случае кассирша может оставить деньги себе, и она это понимает. Книжка ложится на стол, накрывая собой купюру, руки кассирши перемещаются к клавиатуре компьютера.

Пару минут я слушаю птичий клекот пластмассовых кнопок так увлеченно, как не слушала бы легендарную японскую камышовку – самую знаменитую певчую птицу Страны восходящего солнца. Затем кассирша говорит:

– Примерно в два десять там проходил новороссийский автобус, и еще минут через двадцать пять–тридцать – сочин-

ский.

– Новороссийский, – выбираю я. – Можно найти водителя?

– Это не так просто, как вы думаете, – ворчит кассирша, и я с намеком открываю кошелек.

Это довольно громкий намек – металлическая застежка издает характерный звук, и кассирша меняет тон:

– Но, так и быть, я попробую.

Пробы несколько затягиваются и включают в себя телефонный звонок некой Диночке с автобазы, но в результате я получаю конкретную информацию:

– В том рейсе были Свинаков и Тарасов, они напарники, работают в Новороссийском АТП.

– Контакты, – прошу я шепотом, потому что кассирша все еще держит у уха телефонную трубку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.